

ЕЛЕНА ГУСАРЕВА

не школьный
роман

УЧИТЕЛЬ
НА
ЗАМЕНУ

18+

Елена Гусарева
Учитель на замену
Серия «Женские истории», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49893408

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08007-2

Аннотация

Пытаясь спасти мужа от наркотической зависимости, Лара с семьёй переезжает из северной столицы в маленький провинциальный городок её детства. Она устраивается на временную работу учителем биологии в местной гимназии. Отношения с мужем не складываются, его зависимость становится только сильнее. Лара с маленькой дочкой живут в постоянном стрессе, заработка не хватает даже на еду – муж отнимает последнее. Лара находит утешение в своём ученике, семнадцатилетнем мажоре из старших классов. Точка невозврата в судьбе Лары пройдена...

Содержание

1	4
2	10
3	21
4	27
5	35
6	41
7	48
8	53
9	62
10	68
11	75
12	80
13	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

1

– Лариса Викторовна, как же замечательно, что вы так быстро откликнулись. – Поприветствовав Лару кивком, директриса села за рабочий стол, заставленный стопками бумаг и канцелярскими принадлежностями. – Я боялась, что в середине года не найду нового учителя на замену.

Лара поджала губы и скромно улыбнулась, стараясь сдерживать ликование. Как ей кстати эта работа! И, кажется, её берут.

– Что же вам в декрете не сидится?

– Дочке уже два. Она очень общительная, ей в садике с ребяташками будет только веселее. А я соскучилась по работе, – Лара старательно подбирала слова, боясь промахнуться в суждениях.

– Понимаю вас, – закивала директриса. У неё было сосредоточенное лицо с нарисованными коричневым карандашом бровями, глубокими морщинами в уголках глаз, и выкрашенные хной волосы в тон строгому костюму. – Я и сама считаю, что сидеть с ребёнком до трёх лет – нонсенс! В Европе уж на что социальная поддержка, и то столько не сидят. Современная независимая женщина должна всё успевать.

Лара опять сдержанно улыбнулась.

– Единственная загвоздка, опыта преподавания у вас практически нет, – директриса покрутила в руках распечат-

ку резюме.

– Я проходила педагогику в университете. У нас была месячная практика в школе, – парировала Лара. Больше ей похвастать было нечем.

– Вы планируете вернуться в аспирантуру?

– Да, со временем, – Лара сцепила в замок руки, чтобы они не выдали её волнения, – но пока на это времени нет. И потом я чувствую, что преподавание – это моё!

Директриса, сразу почувствовав фальшь, скривила недоверчивую гримасу.

– Во всяком случае, я бы хотела попробовать. Новый опыт – это всегда хорошо.

– Тут вы правы, – директриса отложила резюме в одну из стопок бумаги на столе. – Откровенно говоря, выбор у меня невелик, – выдохнула она. – Болезнь Надежды Геннадьевны как гром среди ясного неба. Прекрасный преподаватель! Дети к ней очень хорошо относились. Мы всем коллективом надеемся на её возвращение, но с метастазами шансов мало.

Она встала, прошла в конец кабинета, поскрипывая подошвами высоких замшевых сапог. Выглянув за дверь, она попросила секретаря подать ей чай. А когда вернулась к Ларе, в выражении её лица читалось принятое решение.

– Ну что ж, давайте попробуем, Лариса Викторовна. Вам десятые классы, как раз ваша специализация. Посмотрим, как вы себя покажете. В штат, конечно, пока не возьму.

Лара понимающе закивала:

– Спасибо.

– Два класса. Ребята хорошие, вдумчивые, целеустремлённые. У нас в гимназии плохих нет. Большинство пойдут в университеты. Кто-то в науку метит. Им будет полезно узнать о работе учёных из первых рук, так сказать.

Лара уже не могла скрыть искренней радости. Ей хотелось прыгать, как прыгает обычно Настюшка, увидев конфету.

– Если потянете, подумаем о факультативах, увеличим нагрузку. По поводу отчётности и расписания, завуч введёт вас в курс дела. С завтрашнего дня выйти сможете? Ребята и так уже пропустили несколько занятий.

– Конечно!

– Оформим вас по ходу дела.

Секретарша внесла поднос с изящным заварником и одной чашкой.

Лара встала. Директриса тоже привстала и протянула ей руку для пожатия.

Домой Лара возвращалась окрылённая. Снег весело поскрипывал под каблучками на февральском морозе.

«Как же всё отлично складывается! И работа, и ясли для Настюшки – настоящее везение! – думала она. – Я сильная! Выберусь, и никаких чёрных полос в моей жизни больше не будет!»

Решение переехать с семьёй в город своего детства далось нелегко. Но иного выхода она не видела. Весьма кстати оказалась и бабушкина квартира, завещанная Ларе.

Все в Зауральске Ларе не нравилось – маленький промышленный городишко, где люди живут слишком тесно, всё и всех вокруг зная. Улицы, знакомые с детства, и пробойны в асфальте ещё с тех времён, когда прыгать по лужам казалось забавным. Культурной жизни практически никакой, лишь провинциальный музей с детскими рисунками, кинотеатр, да парк со старыми аттракционами. В юности она мечтала уехать и никогда не возвращаться, но вернуться пришлось. Казалось, Лара окончательно капитулировала перед тяготами жизни и падать уже некуда, только дно пробивать. В глубине души она и не верила, что переезд что-то изменит к лучшему, но, к счастью, ошиблась! Случайно встреченная на улице, давно забытая одноклассница Снежана неожиданно взялась помочь с яслями. Соседка по лестничной площадке, с которой Лара разговорилась, когда выносила мусор, оказалась служащей управления образования. Это она между делом сообщила, что в восьмой гимназии тяжело заболела учитель биологии и требуется кто-то на замену. Лара никогда не видела себя в роли преподавателя, но тут загорелась. В тот же день узнала подробности и отправила резюме директору школы. И вот теперь у неё есть работа, да ещё рядом с домом! Она молода, ей всего двадцать восемь, и жизнь можно начать сначала.

Лара открыла дверь и вошла в квартиру.

– Я дома, – крикнула она с порога, заглядывая в комнату.

Стас сидел за ноутбуком в наушниках и колотил по клави-

шам. Рядом на диване играла в деревянные кубики Настюша. Увидев маму, она тут же кинулась к ней.

– Ты моя хорошая! – подхватила её на руки Лара. – А кого я сейчас съем! – Лара целовала дочку в пухлые розовые щёки, в шею – куда придётся. – Такая вкусная девчонка! – Настюша заливисто смеялась и ласкалась, как котёнок. – Тебя папа кормил?

Настюша совсем разбаловалась и на вопросы не отвечала.

– Стас! – позвала Лара.

Муж не откликнулся, совсем не замечая происходящего вокруг.

Внутри Лары чуть померкло, но она встряхнулась, подошла к мужу и сняла с него наушники.

– Стас, поставь на паузу.

Тот нехотя послушался, недовольно посмотрев исподлобья.

– Я просила Настюшку покормить, – сказала она спокойно, чувствуя, что закипает.

– Угу. Всё?

– Нет.

– А что ещё?

– Я работу нашла. Буду в гимназии биологию преподавать. Мама нашла работу! – прильнула она к Настюше. Та опять засмеялась, обняла, а Лара чуть не расплакалась от нежности и благодарности, что хоть кто-то за неё рад.

– Поздравляю, – выдавил Стас и потянулся за наушника-

ми.

Лара с Настюшей пошла на кухню, открыла холодильник: приготовленная для дочки каша стояла нетронутой в пластиковой банке. У Лары кровь прилила к щекам, захотелось разбить что-нибудь, кинуться на этого урода на диване и расцарапать ему всю харю. Но скандалить нельзя, иначе сорвётся и побежит искать... Лара судорожно выдохнула:

– Лапка, кушать хочешь? Будешь кашку?

Настюшка радостно закивала:

– С ябвоськом!

– Конечно с яблочком, ты моя хорошая! – Лара поцеловала её в макушку – всю в тёмных кудряшках.

2

Утром по дороге в садик Лара рассказывала дочке, какая она теперь большая и как весело ей будет играть с ребяташками в саду.

– А сколько там новых игрушек! – продолжала завлекать Лара, чувствуя себя коварной искусительницей и лгуньей.

Настюша прыгала и воодушевлённо щебетала всю дорогу, а в саду, уже переодевшись, сразу побежала осваивать детскую кухню с пластмассовой посудой и деревянными овощами.

– По-хорошему вам бы остаться сегодня с ней. – Воспитатель посмотрела на Лару с недоумением, когда та сообщила, что должна бежать на работу. – Первый день адаптационный. Вы даже в развивающие группы не ходили до этого?

– Я так и хотела, – оправдывалась Лара. – Но работа подвернулась очень неожиданно. Я не могу её упустить.

– Что ж, попробуем, – понимающе покивала воспитатель. – Тогда давайте без прощаний, просто уходите тихо.

Упрёка в словах воспитателя Лара не услышала, но глаза её невольно увлажнились. Почудилось, будто она навсегда отказывается от собственного ребёнка, отдаёт в чужие руки. Разве не предательство, оставлять её вот так, без предупреждения? Лара сделала шаг вперёд, но воспитательница поймала её за руку:

– Нет, мамочка, давайте без сантиментов. Если нужно идти, идите. Иначе у нас с вами ничего не получится.

Лара сникла и, не попрощавшись, выскользнула из группы. Потом всю дорогу до работы она уговаривала себя, как полезно общение с ровесниками для полноценного развития ребёнка и как повезло ей получить место в саду. В конце концов, Ларе пора заняться собой; нельзя растворяться в ребёнке – потеряешь и себя, и его. Нужно учиться отпускать уже сейчас.

Гимназия встретила зудящим гулом и суетой у раздевалки. Лара поймала себя на мысли, что повода заглянуть в собственную школу после выпускного у неё так и не нашлось: она сразу поступила в университет в Питере, а потом осталась там же в аспирантуре. Каждый год одноклассники приглашали на встречу выпускников, но Лара ни разу не приехала, не чувствуя ностальгии по школьным временам. В этой школе она никогда не бывала, но всё здесь казалось знакомым: и запахи столовой на первом этаже, и стенды с выведенными гуашью заголовками: «Ими гордится гимназия», и выставка детских рисунков на стене возле дверей в учительскую. Вот только рамка металлоискателя и плакаты про террористическую угрозу на входе были явными свидетелями времени.

Завуч оказалась лишь немногим старше Лары – волевая, энергичная, с копной русых выющихся волос и ярко-красной помадой на губах. Говорила она без напускной серьёзности,

не подчёркивая субординацию, так что Лара немного расслабилась. Полина Сергеевна быстро провела экскурсию по школе: «Здесь у нас столовая, тут спортивный зал, библиотека и компьютерный класс, кабинет биологии на третьем этаже». Потом они вместе сидели в учительской и около часа разбирались с заполнением форм отчётности для учителей-предметников.

– Думаешь, уроки провела и домой? Нет, милая! Вот где геморрой головного мозга! А главное, кому всё это нужно? – возмущалась Полина Сергеевна.

– Ничего, справлюсь! – Ларе нравилась рабочая суета, она вникала с удовольствием.

Когда разобрались с формальностями, Полина Сергеевна повела её в класс.

– Вам повезло, – тараторила завуч, – в кабинете есть отдельная лаборантская. Считай, личный кабинет. Можете оставлять там верхнюю одежду и готовиться к урокам. Кстати, в следующий раз приносите сменную обувь, Екатерина Васильевна будет недовольна, – она мимоходом бросила взгляд на Ларины замшевые кроссовки. Сама Полина Сергеевна носила остроносые сапоги до колен на высокой шпильке.

– Вы про кого сейчас?

– Ваша коллега, учитель биологии. Она взяла на себя бóльшую часть нагрузки. Строгий товарищ, – Полина Сергеевна, чуть сморщившись, помахала растопыренными паль-

цами, будто обожглась. – Мой совет: относитесь к ней проще. Не берите в голову.

– Вот так сразу? – вежливо усмехнулась Лара. – А ведь нас ещё даже не представили.

– О, на этот счёт не сомневайтесь, – покивала Полина Сергеевна. – Хотя чудеса случаются. Просто у нас с ней особая любовь. Екатерина Васильевна была завучем до меня, и сняли её с должности по возрасту. Ей на пенсию давно пора, но она крепкий орешек. Не удивлюсь, если ещё лет десять продержится.

Лару слегка покорибила откровенность коллеги, подобные разговоры её только отталкивали. Она всегда сторонилась интриг, предпочитая самой составлять мнение о людях.

– Посмотрим, – сказала она уклончиво, стараясь не провоцировать завуча на ещё ббольшую откровенность.

– У Екатерины Васильевны сегодня занятия закончились, – продолжала Полина Сергеевна, пока они шли по пустому коридору к кабинету биологии. – Она вам покажет, где хранится методический материал и всё необходимое для урока. А потом представит вас 10 «Б». Можете провести проверочную, если сегодня чувствуете себя неуверенно.

– Что вы, я готова!

Лара действительно волновалась. Университетская практика осталась далеко в прошлом. Опыт публичных выступлений у неё, конечно, был. Но делать доклад на конференции перед взрослыми заинтересованными людьми – это од-

но, а урок в классе – совсем другое. В собственной харизме Лара сильно сомневалась. Ей очень хотелось понравиться. Она помнила по себе, что в школе гораздо лучше успевала по предмету, если преподаватель ей нравился. Да что там, выбор её профессии состоялся во многом благодаря учителю биологии, которую она боготворила. Вечером, готовясь к занятиям, Лара припоминала, что именно её цепляло в преподавателе. Та говорила легко, выглядела заинтересованной, увлечённой, жестикулировала непринуждённо, будто не урок читала, а рассказывала интересную историю друзьям. А ещё она одевалась модно и со вкусом, не как другие. Её не хотелось разочаровывать, словно она была твоей любимой старшей сестрой.

Лара настроилась подражать тому образу учителя, который ей нравился с детства. Она надела сиреневый короткий пиджак с отворотами на рукавах, серые джинсы и кроссовки в тон. Волосы у неё короткие, стрижка современная, минимум косметики. Утром Лара осталась более чем довольна своим видом. А вот коллеге по кабинету, Екатерине Васильевне, её стиль явно не понравился. Она сухо поздоровалась лишь кивком, беззастенчиво оглядывая Лару.

– Милочка, у нас здесь гимназия, а не дискотека, – небрежно бросила она.

Но чего можно ожидать от старухи с седой рогулькой на макушке и толстыми икрами, затянутыми в капрон с лайкрой.

– Добрый день, – поздоровалась Лара нарочито вежливо, оставляя без комментариев реплику. – Меня зовут Лариса Викторовна Гудок.

– Гудок, значит, – повторила Екатерина Васильевна, чем окончательно разочаровала в себе. – Ну проходите, проходите.

Она посторонилась, пропуская в лаборантскую. Завуч входить отказалась и, сославшись на срочные дела, быстро ретировалась.

Лара вошла в тесный кабинет с двумя дверями: одна в коридор, другая сразу в класс. Вдоль стен – стеллажи с учебниками и плакатами по биологии. Лара заметила на полке наглядные пособия из папье-маше – человеческое сердце и биологическую клетку в разрезе, а в углу, у окна, притулился пластмассовый скелет. Он показался грустным, наверное, потому что у него недоставало нескольких «костей». Но в целом довольно уютно, отметила про себя Лара.

– Поскольку вы здесь временно, – сказала Екатерина Васильевна с нажимом, – свои порядки прошу не устанавливать. Пособиями и демонстрационным материалом можете пользоваться, но, пожалуйста, будьте предельно аккуратны, – она говорила так, будто Лара уже что-то сломала или испортила.

Увидев на подоконнике кружку, Екатерина Васильевна заявила:

– Распитие чая в лаборантской я не потерплю. Надежда

Геннадьевна позволяла себе, но это полное безобразие! – Она схватила кружку и выкинула её в мусорное ведро под письменным столом.

«О! Да тут клиника, – подумала Лара. – На таком фоне блеснуть много ума не понадобится».

– У вас есть что-нибудь по мутационной теории? – Лара подошла к стеллажу с плакатами и хотела было поискать сама, но тут Екатерина Васильевна отрезала:

– Нет! Даже не ройтесь там.

– Хорошо, а...

Лару перебил телефонный звонок с неизвестного номера:

– Извините! – Она приняла вызов. – Да?

– Товарищ Гудок, телефон в здании гимназии нужно ставить на вибрацию! – тут же накинулась на неё Екатерина Васильевна.

Лара прижала телефон плотнее к уху и выскользнула из лаборантской в коридор.

– Извините, я не поняла, кто... Ах, из садика! Что-то случилось?

Звонила воспитатель и просила приехать: Настюша плачет и зовёт маму.

– Но как же быть? – Сердце Лары сжалось. Она так и знала, если не попрощаться с Настюшей, не договориться с ней, будет только хуже. Дочь потеряла её и, конечно, расстроилась. Хотелось всё бросить и бежать в детский сад, но нельзя же отпрашиваться с работы, не успев начать. – У меня урок

через пять минут.

– Мамочка, не переживайте, это нормально, – успокаивала воспитатель. – Она первый день в саду, ещё не привыкла, слишком много впечатлений. Но лучше забрать её пораньше, чтобы не травмировать. Иначе с привыканием будут проблемы.

– Хорошо, я попробую что-нибудь придумать.

Лара попрощалась с воспитателем и тут же набрала Стаса. Пару минут слушала длинные гудки, напряжённо наблюдая кружение снежинок за окном. Зазвенел звонок.

– Да чтоб тебя! – процедила она сквозь зубы и, возвращаясь в лаборантскую, настучала сообщение мужу: «Пожалуйста, срочно забери Настюшку из садика. Ей там плохо!»

– Опаздываете, – не преминула заметить Екатерина Васильевна.

– Извините. Я готова.

Екатерина Васильевна открыла дверь в класс и вошла, Лара за ней.

– Так, всех приветствую, – Екатерина Васильевна остановилась возле доски.

Лара тоже остановилась. Потом вдруг подумала, что надо бы улыбнуться и вести себя непринуждённо. Она чуть встряхнула плечами, приняла расслабленную позу и даже сунула руки в карманы пиджака.

«Какие они взрослые», – подумала Лара, окидывая взглядом ребят. В классе навскидку было человек двадцать. Пар-

ней больше, чем девчонок.

– Ребята, вы знаете, что Надежда Геннадьевна больна и в ближайшее время в гимназию не вернётся. Замещать её будет наш новый учитель, – Екатерина Васильевна оглянулась на Лару и сделала выпад рукой, – товарищ Гудок... Лариса Владимировна.

Несколько ребят приснули со смеху, но довольно быстро уgomонились сами. Только из середины класса всё ещё слышался насмешливый шёпот.

«Старая лахудра!» – выругалась про себя Лара. Руки в карманах непроизвольно сжались в кулаки. Уголки губ поникли.

– Викторовна, – поправила Лара. – Лариса Викторовна. Спасибо, дальше я сама.

– Пожалуйста. Удачи! – Екатерина Васильевна, задрвав подбородок, продефилировала в лаборантскую и прикрыла за собой дверь.

Под ложечкой затрепетало. Лара совсем смутилась. После такого представления не знаешь, как и начать.

– Добрый день, – сказала она, тяжело выдыхая.

«Здравствуйте!» – дружно протянул класс, а кто-то добавил: «Товарищ Гудок».

Лара почувствовала, как запылыхали щёки. Только этого не хватало!

Она просканировала ряды парт взглядом и безошибочно определила того, кто позволил себе состроумничать. Па-

рень с бритыми висками и коротким русым хвостом на затылке сидел, развалившись, за третьей партой в среднем ряду. Из его левого уха торчал маленький беспроводной динамик. Вместо отглаженной рубашки и галстука, как у всех, – чёрная футболка с крупной надписью «Я всё могу, но иногда стесняюсь». Поверх неё нелепо контрастирующий синий пиджак школьной формы. Из-под стола далеко выпячивалось колено в черной зауженной брючине совсем не того покроя, что принято носить в школе. Носок оранжевого кроссовка выстукивал ритм.

«Ага! Местный шут, который думает, что ему можно всё».

Испуг сменился гневом. Лара подошла к доске, взяла мел и начала писать:

«Мута...» – кусок мела под нажимом сломался и раскрошился.

Лара невольно чертыхнулась, закусила губу и воровато обернулась к классу:

– На прошлом занятии вы проходили мутационную теорию, – промямлила она. – Я, пожалуй, начну с опроса, чтобы познакомиться. Вот вы, представьтесь, пожалуйста, – указала она на парня с бритыми висками.

Тот неторопливо встал:

– Золотарёв Глеб.

– Отлично, с фамилией вам повезло. Кстати, вам будет интересно прочитать в Википедии о её происхождении. Выходите к доске и расскажите нам о типах мутаций, которые

знаете. И не стесняйтесь, пожалуйста, раз вы всё можете, наверное, вы всё знаете.

Наглец вынул динамик из уха, прошёл к доске и начал довольно складно рассказывать, за пять минут выложив практически весь материал из учебника.

– Замечательно! – нехотя похвалила Лара. – Вот вы говорили про генные мутации. Объясните, пожалуйста, чем отличаются синонимичные мутации от несинонимичных.

Золотарёв насупился:

– Этого в учебнике не написано.

– Тогда, может быть, вы объясните, какие мутации называют регуляторными? – продолжала напирать Лара, обретая почву под ногами.

Золотарёв коротко мотнул головой.

– Вы и про нонсенс-мутации не слышали? – долбила в болевую точку Лара.

Золотарёв молчал, электризуя воздух недобрым взглядом.

– Садитесь. Четыре.

– Почему? Я всё рассказал.

– Потому что вы не всё знаете и, очевидно, не всё можете, – спокойно заключила Лара. – А раз вы не знаете, я вам расскажу.

Золотарёв прошёл к своей парте, подхватил с пола сумку. Через мгновение он хлопнул дверью класса. Из коридора донеслось ворчание, но, к счастью для себя, Лара не расслышала, что именно было сказано явно в её адрес.

3

Сразу после урока Лара набрала Стаса и опять не дождалась ответа. Сердце муторно сжалось от бессилия и глухой ярости. Она побежала в учительскую за верхней одеждой, забыв попрощаться с Екатериной Васильевной. В учительской пришлось задержаться ещё минут на десять, чтобы заполнить журнал.

– Ну как всё прошло?

Полина Сергеевна всем видом показывала, что ждёт подробного отчёта, но Лара лишь рассеянно покивала:

– Всё отлично, ребята хорошие. – Про конфликт с Золотарёвым она решила не докладывать. К чему усугублять? Вся эта ситуация не в её пользу. Дети не сбегают с уроков хороших преподавателей.

– Извините, Полина Сергеевна, но мне нужно за дочкой. Она сегодня первый день в садике, ещё не привыкла...

Полина Сергеевна пожала плечами, мол, идите, но понимания во взгляде Лара не уловила. Ей стало совсем неудобно. Внутри всё разрывалось, причиняя почти физические страдания. Лара села за учительский стол и заставила себя без спешки заполнить классный журнал. Только потом быстро оделась и ушла.

В сад Лара примчалась запыхавшаяся и взмокшая. Настюша с распухшим носом и покрасневшими зарёванными гла-

зами сидела на руках у воспитателя. Увидав её, Лара чуть сама не разрыдалась. Воспитатель с явным облегчением передала ей дочурку:

– Ну что же вы, мамочка?.. – она встряхнула руками и отошла, ворча себе под нос: – Сами своих детей не любят, а хотят, чтобы другие любили.

Настюшка прижалась к Ларе, но не ласкалась, как обычно, а сидела тихо.

– Обиделась? – попыталась растормошить её Лара, но дочка только молча уткнулась ей в плечо. Так и не проронила ни слова всю дорогу до дома.

А Лара всё сильнее раздражалась: «Как можно быть настолько безответственным, подставлять меня на каждом шагу? – как мантру, перебирала она упрёки мужу. – Я от всего и от всех отказалась, а он не может сделать элементарного! Ладно, мне не надо, но быть настолько безразличным к собственному ребёнку. Эгоист!» Лара вспомнила, как она беременная ждала, когда Стас заедет за ней и отвезёт на приём к врачу. Он постоянно задерживался, а однажды и вовсе не приехал, и Лара пропустила предродовое УЗИ. Ей пришлось вызывать такси, она торопилась и нервничала, но слишком опоздала, и врач не принял её. Лара так расстроилась, что у неё начались схватки. Прямо из поликлиники её отвезли в ближайший роддом, а не в тот, где она планировала рожать. Лара поступила в больницу неподготовленной, без необходимых вещей. Её заставили заполнять какие-то бумаги, в то

время как она, мучаясь схватками, обкусывала в кровь губы. Но физическая боль не шла ни в какие сравнения с душевной болью – Стас подвёл, не оказался рядом в самый важный момент её жизни. Он узнал о рождении дочери лишь спустя двое суток.

Поднялся ветер. Колючий снег задувало за ворот Лариного пуховика. Она остановилась, чтобы закутать потеплее Настюшу: поправила сбившуюся шапку, подтянула шарфик. Опять взяла дочь на руки, преодолевая жжение в плечах. Когда наконец подошли к дому, тропинка напрямик к подъезду едва проглядывалась, занесённая снегом. Идти в обход по расчищенной дороге уже не осталось сил, и Лара, чуть поколебавшись, решила срезать. Ноги утонули в снегу, он тут же забился под штанины и начал таять, неприятно холодя щиколотки. Поворачивать было поздно. Последние пятнадцать метров дались особенно тяжело.

Вымотанная, Лара добралась до дома. Не успев войти в квартиру, разразилась:

– Кто-нибудь может мне помочь хоть чуточку?!

Но ответом была тишина. Сердце Лары ёкнуло:

– Ушёл!

Она опустила дочку на пол, а сама, не разуваясь, быстро прошла в комнату. Стас спал, уткнувшись лицом в подушку. Тогда Лара метнулась на кухню, набрала стакан воды из-под крана и, вернувшись к мужу, плеснула ему в лицо. Тот моментально подскочил, ошалело озираясь:

– Совсем озверела! – Стас принялся утираться рукавами свитера.

– Я больше так не могу! Не могу тащить всё на себе! – голос Лары сорвался. – Делай хоть что-нибудь, когда тебя просят! Почему ты не забрал ребёнка из сада?! Тебе на нас плевать?

В коридоре заплакала Настюшка, и Лара вспомнила, что не раздела её, бросила у дверей, как пакет из супермаркета. Она вернулась к дочери, принялась рывками расстёгивать комбинезон.

– Ну всё, не плачь. Кушать хочешь? Не плачь, говорю!
Но дочку так просто уже было не унять.

В коридоре появился злой и мокрый Стас:

– Истеричка! Я сделал всё, что ты просила: завязал, переехал в эту дыру, торчу тут с тобой безвылазно. Чего тебе ещё от меня надо?!

– Этого недостаточно, – Лара изо всех сил пыталась держать себя в руках, избегая смотреть на мужа. В конце концов этот разговор должен состояться. – Ты не можешь просто сидеть дома. Нужно вернуться к жизни, заняться хоть чем-то полезным.

– Чем здесь займёшься? Я со скуки подыхаю!

– Я не прошу тебя немедленно искать работу, но хотя бы помогай мне, когда я прошу. – Лара трясла на руках Настюшку, пытаясь успокоить. Та только извивалась и плакала всё сильнее.

– Ларка, о какой работе ты говоришь? Здесь ни одного приличного клуба. Мне что, улицы идти подметать? Куда ты меня привезла?!

– Подальше от твоих дружков! – выпалила Лара и осеклась. Потом всё-таки продолжила: – Не помнишь, как сам молил о помощи, просил забрать тебя хоть в тайгу, хоть на необитаемый остров, уверял, что никто кроме меня и дочки тебе не нужен? Думаешь, я мечтала уехать из Питера, бросить аспирантуру, оставить всё, о чем мечтала и чего добились? Я бьюсь одна, как рыба об лёд. Переезд, документы, детский сад, поиски работы – сил больше нет! Ты ведь целыми днями дома, неужели нельзя поиграть немного с ребёнком?

– Ты сама решила её оставить, а теперь ищешь виноватых.

– Что?! – Лара поперхнулась словами и вмиг остыла.

– Я предупреждал, что не создан для отцовства, – скривил тонкие губы Стас.

– А для чего ты создан? – не дожидаясь ответа, Лара ушла с дочкой в комнату.

Она поднесла её к окну и начала показывать и комментировать всё, что видит на улице. Обычно это успокаивало Настюшу.

– Вон смотри, тётя с сумкой пошла, наверное, в магазин. А вон мальчишки с горки катаются. А вон...

Лара осеклась, заметив у подъезда соседку и её маленького сына. Соседка докурила сигарету и бросила окурочок под

лавку. Её сын, на вид чуть старше Настюши, тут же подобрал окурок и сунул его себе в рот. Лара быстро отвернула Настюшу, чтобы та не видела, как соседка треплет и ругает своего не в меру любопытного сынишку.

– Лар, я не то хотел сказать, – вдруг возник в комнате Стас.

– Уйди, – холодно отозвалась Лара.

Стас постоял немного в дверях, барабаня по косяку пальцами, и ушёл.

«И чего я на него накинулась?» – почему-то именно сейчас Лара вспомнила про Золотарёва. – «Ведь он действительно хорошо отвечал, всё по программе». Ей стало стыдно, что она, как девчонка, повелась на его детские провокации, начала сыпать дополнительными вопросами – самоутверждаться. Наверное, её ввёл в заблуждение взрослый вид ребят, но это обманчивое впечатление. Они подростки и ведут себя соответственно. А её поведение недостойно учителя. Это всё от неопытности. Хорошо, что она не успела пожаловаться на Золотарёва. В следующий раз надо быть мудрее. Нужно придумать, как заинтересовать ребят. Она сделает настоящую презентацию с анимированными иллюстрациями, как на конференции. Ребятам должно понравиться. Нужно только узнать, есть ли в школе видеопроектор и можно ли им воспользоваться.

На следующий день Стас предложил отвести дочку в детский сад и побыть с ней, если та будет капризничать. Видно, ссора подействовала на него отрезвляюще. Брошенные им в запале слова свербели в голове Лары, но она убедила себя, что Стас, на самом деле, так не думает. Он, может быть, и не самый ласковый и внимательный отец, но где она видела других? Все такие. И это совсем не значит, что он не любит Настюшу. Если бы не любил, не сменил бы столичную жизнь на провинциальную. Ведь работать ему – первоклассному ди-джею, здесь действительно негде, разве только на свадьбах и мелких корпоративах. Но такую работу Стас считал низкопробной и недостойной себя. Приличные клубы, как в Питере, есть только в области, а это сто километров по обледелой трассе. Лара надеялась, что до весны они как-нибудь обойдутся её крошечной зарплатой и остатками былых накоплений. А потом она возьмёт кредит на машину, и Стас сможет устроиться. Час езды до работы по Питерским меркам – ерунда. Главное, чтобы не сорвался, вернулся к жизни, к самому себе, к тому, кого она полюбила.

В гимназию Лара отправилась воодушевлённая. Весь вечер накануне она готовилась к предстоящему уроку в 10 «А». Презентация получилась загляденье! Познавательные иллюстрации, минимум текста, пара видео на английском, кото-

рые Лара собиралась прокомментировать по ходу. Пусть дети привыкают к новой подаче информации, если собираются связать свою жизнь с наукой. К тому же Ларе хотелось блеснуть знаниями.

Договориться с завучем насчёт видеопроектора труда не составило.

– Пожалуйста! – отозвалась Полина Сергеевна. – Я призываю учителей пользоваться, но что-то желающих немного. Всё по старинке пишут тему на доске. С презентациями возни много.

На перемене Лара суежилась в классе, устанавливая и настраивая проектор, прилаживая белый экран к стене. Екатерина Васильевна с брезгливым выражением на лице отпускала колкие комментарии:

– Это всё от преподавательской беспомощности, товарищ Гудок.

– Это всё от тупости и зашоренности, – буркнула себе под нос Лара, не оборачиваясь на замечания.

– Что вы сказали? – возмущённо пискнула Екатерина Васильевна. – Вы что думаете, я глухая? Все эти ваши нововведения – тесты да гаджеты – только отупляют. Вы без своих презентаций как инвалиды без костылей. Раньше всего этого не было, зато знали дети так, что ночью разбуди – ответят. Где оно, живое слово? Знания, товарищ Гудок, вот здесь должны быть, – она постучала пальцем по своей макушке. – Учитель должен быть крепок знаниями, тогда и авторитет

будет.

Лара разогнулась, наконец справившись с проводами, и уже громко ледяным тоном сказала:

– Я прошу вас не называть меня «товарищ Гудок». Это некорректно с вашей стороны.

– А как мне вас называть? – Екатерина Васильевна упёрлась руками в толстые бока.

– Лариса Викторовна – вполне достаточно.

– Надо же, какая цаца!

– Кто, простите?

«Только держи себя в руках, – мысленно уговаривала себя Лара. – Ты здесь на птичьих правах, терпи!»

Она вдруг заметила, что кулаки её крепко сжаты. Лара слегка встряхнула руками и попыталась расслабиться:

– Екатерина Васильевна, через минуту начнётся урок. А мне ещё нужно проверить, всё ли в порядке с презентацией. Не могли бы вы не отвлекать меня. Мы можем закончить наш разговор позднее и желательно в присутствии завуча или директора. И вот ещё что: представлять меня 10 «А» нет никакой необходимости.

– Как пожелаете. – Екатерина Васильевна скрылась в лаборантской, демонстративно хлопнув дверью.

10 «А» встретил её куда дружелюбнее. Лара сама представилась классу лишь именем и отчеством. А потом очень бойко начала урок, отчитала новую тему, показала видео – всё как планировала. Ребята оказались любознательными, зада-

вали вопросы, а когда после урока покидали класс, Лара случайно подслушала фразу одного из учеников: «Ничетакая! Надеюсь, задержится у нас». Внутренний столбик самооценки стремительно пополз вверх.

– Сейчас же освободите класс! – набросилась на Лару Екатерина Васильевна, как только ученики ушли. – У меня занятие, а вы развели здесь беспорядок.

Лара пожалела, что не попросила кого-то из ребят помочь ей. Она торопливо собиралась, пока злобная старуха стояла над душой, подгоняя обидными репликами. Лара едва сдержалась, чтобы не выругаться. Она сунула подмышку классный журнал и скрученный в рулон белый экран, накинула на плечо сумку, взяла в руки кое-как свёрнутые провода и проектор. Загруженная по уши, спиной открыла дверь класса и кое-как вытолкалась наружу. Над губой собрались капельки пота, Лара чувствовала, как наливаются алым щёки. Как некстати! Ей очень не хотелось, чтобы стервозная старуха подумала, будто задела её.

Вышагивая вперевалку, Лара тащила по запруженному детьми школьному коридору. Сумка норовила соскользнуть с плеча, но поправить её, не рискуя уронить другие вещи, возможности не представлялось. Вдруг из-за спины Лары послышался резкий оглушительный звук – гудок. Она вздрогнула всем телом и подскочила на месте. Белый экран, классный журнал и провода повалились на пол. К счастью, в последнее мгновение Лара сумела удержать видеопроектор, ис-

пугавшись ещё сильнее, что разобьёт дорогостоящее оборудование. Омерзительный звук раздался ещё раз, а за ним ещё более омерзительный смех. Лара обернулась. У окна стояла кучка ребят – старшеклассников. В центре компании – Золотарёв с допотопным клаксоном в руках.

– Вы считаете себя очень остроумным, Золотарёв? – Лара почувствовала, что её и без того красные щёки становятся пунцовыми.

– Здравствуйте, товарищ Гудок, – невозмутимо ответил наглец, беззастенчиво разглядывая Лару.

– Идите сюда и помогите мне отнести оборудование в учительскую, – потребовала Лара.

Тут раздался звонок.

– У меня урок, – дёрнул плечами Золотарёв и вместе с одноклассниками направился в кабинет истории, оставив обескураженную Лару стоять в нелепой позе с проектором в руках.

От злости Лара готова была шарахнуть проектор об стену, но вместо этого аккуратно опустила его на пол и принялась собирать разбросанные вещи. Благо свидетели её позора разошлись по классам.

В учительскую Лара ввалилась растрёпанная, со стервозной миной на лице.

– О! Видно, 10 «А» вас порадовал, – встретила её Полина Сергеевна с дымящейся кружкой в руках.

Лара прикрыла глаза и шумно втянула носом воздух, толь-

ко потом ответила:

– Да нет, с классом-то все как раз в порядке. Просто запыхалась, пока тащила сюда все эти вещи.

– Давайте помогу. – Завуч отставила чашку, подхватила проектор и убрала его в шкаф. – В следующий раз берите, не спрашивайте. Кофе хотите?

– Да мне ещё журнал заполнять, – замялась Лара для приличия.

– Хотите, хотите. Журнал подождёт. – Полина Сергеевна взяла ещё одну чашку и плеснула Ларе из кофейника. Поставила на стол вазочку с песочным печеньем. – Вот, держите. Присаживайтесь.

Лара села за длинный учительский стол, отхлебнула кофе.

– Ну рассказывайте. В прошлый раз вы так быстро сбежали...

– Извините, – Лара напряглась, села прямее. – Дочка только начала ходить в садик, не привыкла ещё. Но сегодня с ней муж, так что я никуда не тороплюсь. Что касается ребят, они замечательные, активные, любознательные. Особенно в 10 «А». В другом классе пока непонятно, – Лара сделала маленький глоток кофе. – А что вы скажете про Золотарёва? – осторожно спросила она. – Признаться, мы с ним не очень сошлись. Я немного теряюсь, как с ним вести себя, строже или наоборот...

– Да, он такой мм... своеобразный. Но учится отлично по всем предметам. Думаю, будет медалистом. Вообще, талант-

ливый парень, но с характером.

– Ох... Тогда... – Лара и сама не знала, что «тогда». Дело только усложнялось. Надо бы поосторожнее с этим Золотарёвым, не хватало ей открытых конфликтов, сразу потеряет место.

В двери учительской заглянул слегка встрёпанный мужчина в синем спортивном костюме с крупной надписью «RUSSIA» и со свистком на груди.

– О! Здравствуйте. Я смотрю, новые люди.

Мужчина стремительно вошёл. Увидев на столе вазочку, схватил пару печенья и принялся громко жевать. Лара чуть подалась в сторону. От мужчины резко пахло потом и приторно-сладким одеколоном.

– Да, Валера, – Полина Сергеевна отодвинула подальше вазочку. – Это учитель биологии на замену. Познакомьтесь, Лариса Викторовна.

Валера протянул большую ладонь в крошках. Ларе ничего не оставалось, как только пожать её.

– Я чё пришёл-то, – затараторил Валера. – Марусина судить отказалась, у неё на пятничный вечер срочные планы образовались. А кого я сейчас найду? Не просить же Екатерину Васильевну...

Полина Сергеевна дёрнула подбородком:

– Может, Лариса Викторовна согласится?

– Что вы! – Лара даже привстала от возмущения. – Я в спорте ничего не смыслю.

– А в спорте и не надо, – загоготал Валера. – У нас ежегодный конкурс аэробики, типа танцы, кто во что горазд. Там всё просто! Давайте, а?! – напирал он. – Вы молодая, ребята такой судья в самый раз.

Первой мыслью Лары было тут же отказаться. С кем она оставит Настюшу?

– Я не знаю... – залепетала она, понимая, что не в том положении, чтобы отказываться.

Тут кстати пришло сообщение на телефон. Лара машинально посмотрела на экран и прочитала: «Мы дома, всё отлично!» Всё-таки на Стаса можно положиться, облегчённо выдохнула Лара.

– В пятницу вечером? Хорошо, – согласилась она.

– Отлично! Выручаете. Вам за это премия полагается, – Валера многозначительно посмотрел на завуча, играя бровями. Та сделала вид, будто не слышала последней реплики.

А Лара вдруг развеселилась, даже с удовольствием пожала Валере руку на прощание.

Лара домой не торопилась. Как же приятно осознавать, что кто-то принял на себя часть твоих повседневных забот, обо всём позаботился, а тебе остаётся лишь радоваться жизни. Они с Полиной Сергеевной поговорили ещё немного о гимназии, неэффективной системе образования и отсутствии энтузиазма у учителей, обсудили и предстоящее мероприятие – конкурс танцев.

– Ребята все из приличных, но всё равно кто-нибудь умудрится пронести в школу сигареты или банку пива. Причём чаще всего девочки! – сокрушалась завуч. – Придётся на входе проверять тщательнее, а потом устраивать рейд по туалетам. Вот надо оно мне, по туалетам ходить? Смотреть за ними – на вид все такие дылды, не то что мы были в своё время.

– Да уж, акселерация налицо! – поддакнула Лара.

– А в головах-то пустота ещё! – закивала Полина Сергеевна. – Чистейший вакуум! А в прошлом году, – она понизила голос, – уборщица нашла спрятанную в бочке унитаза самокрутку. Вы, должно быть, догадываетесь, что это могло быть. Так и не обнаружили, кому она принадлежала. К счастью, больше ничего такого не случилось.

С Полиной Сергеевной расстались тепло. Ларе даже показалось, что они скоро перейдут на «ты» и станут подругами. А если так, то положение Лары укрепитя и, возможно, её

примут в штат. Но дело даже не в этом.

Лара соскучилась по живому общению. Из-за семейных неурядиц подруг у неё осталось мало, да и те в Питере. Лара не любила делиться домашними проблемами, снова и снова переживая их, смакуя подробности в пустых разговорах. Её раздражали люди, которые кичатся своими неудачами, выставляя их за достоинства. Восклицания вроде «Я-то пожил – дерьма похлебал! Попробуй с моё!» вызывали у Лары недоумение. Она стыдилась своих неудач, чураясь бабских компаний, где с извращённым удовольствием обсуждали недостатки мужей и других домочадцев.

Когда Лара вышла из гимназии, на город опускались сумерки. Длинные фиолетовые тени деревьев расчертили полосами дорожку, идущую через небольшой школьный парк. Февральский снег начал оседать, на нём появились тёмные проплешины – оттепель не по сезону.

«Видно, и впрямь глобальное потепление», – думала Лара, быстро шагая и глядя под ноги, чтобы не поскользнуться. Она торопилась домой. Вдруг Стас и в этот раз не догадается покормить Настюшку. Лара уже подошла к калитке, как кто-то окликнул её. Голос показался знакомым, но вызвал неприятные чувства. Лара оглянулась.

– Ты что это? Давно в городе, а не зашла... – На лавочке у дорожки сидела мать.

Лара не сразу узнала её в сумерках. Мать заметно постарела и осунулась за три года, что они не виделись. Под гла-

зами сизые тени, щёки стали впалыми и дряблыми. И весь вид болезненный.

– А должна была? – спросила Лара с вызовом, отмечая про себя, что и мать не поздоровалась, а сразу начала с упрёков.

– Тебе виднее, – поджала мать губы, так что они спрятались, превратив рот в искривлённую полосу. Лара ненавидела это её выражение лица. – Даже внучку нам с отцом не показала.

– Вы ясно дали понять, что видеть нас не желаете.

– Ребёнок здесь ни при чём, – мать поднялась с лавочки и сделала шаг навстречу, Лара отступила. – Ты в любой момент можешь вернуться домой. Мы с отцом примем тебя...

– А не надо меня принимать! У меня своя семья и свой дом. Ваши условия меня никак не касаются.

– Я всё-таки надеялась, что твой остался в Петербурге.

Лара развернулась и быстро пошла прочь.

– Лариса! – прокричала мать в спину.

Лара услышала звук шагов сзади, оглянулась:

– Не приближайся! И не приходи больше! Не желаю видеть ни тебя, ни отца. У вас нет дочери, и это не мои слова.

Всю дорогу до дома продолжался внутренний монолог с матерью. Лара знала заранее, что встреча эта неминуема, хоть и живут родители на другом конце города. Она готовилась, но всё равно оказалась застигнутой врасплох. Ей не хотелось всех этих эмоций, хотелось показаться гордой и холодной, будто она и думать о них забыла, будто они дав-

но чужие. Лара опрометчиво считала, что это так, а оказалось, связь с родителями никуда не делась. И больно ничуть не меньше, чем когда они расстались, когда отец бросил ту убийственную фразу: «Убирайся к своему наркоману! Ты нам не дочь!». Но самое обидное, что в последний год Ларе против её воли приходилось признавать – родители были во многом правы, многое предвидели. А может быть, это их сомнения, их негатив материализовался? Лара верила в силу мысли, казалось, что её желание счастья гораздо сильнее, но, видно, ошибалась. Она тут же одёрнула себя: «Нет уж!» Чтобы она пришла поплакаться в их засаленные жилетки... Не дождутся!

Домой она вернулась взвинченная. Опять картина маслом: муж в мягком кресле в наушниках и с ноутбуком на коленях, Настюша на полу, что-то лопочет себе под нос и мусолит яблоко, перекатывая его по ковру вместо мячика.

– Да что же это такое! – Лара с силой бросила сумку рядом с креслом.

Стас сдёрнул с головы наушники:

– Ларка, я новые биты написал. Хочешь послушать? – Он будто и не заметил её настроения.

Ругательства застыли у Лары на языке. Муж вернулся к работе, ни этого ли она хотела?

– Тут ещё подшаманить придётся, но бит получился драйвовый. – Стас протягивал ей наушники. Давно Лара не видела такого энтузиазма в глазах мужа.

Она разулась и, едва скинув верхнюю одежду, подсела к нему на спинку кресла, надела наушники. Биты и вправду получились неплохими, насколько она могла судить, почти ничего в этом не понимая.

– Качает? – с надеждой спросил Стас.

– Ага, – Лара одобрительно закивала в такт. – Бум, тыц-тыц, бум, бум! Бодренько так.

Стас засмеялся:

– Бодренько... Доделаю и отправлю Макару, пусть скажет своё пижонское «фи»! – Стас забрал наушники и выключил музыку. – Я тут подумал о твоих словах, – сказал он, глядя в пол. Потом вдруг подхватил на руки Настюшу, усадил к себе на колени. – Сделаю дома маленькую студию, буду писать биты и выкладывать на стоки. У меня связи, меня вся рэперская тусовка знает. Пойдут заказы.

Лара настороженно поднялась.

– Лар, мне бы только самое основное: грув-бокс с секвенсором, микшер... А иначе кому нужен этот топорный бред на коленке.

– И где мне взять на это денег?

– Ну ты ж теперь работаешь, – напирал Стас, машинально стараясь унять разбаловавшуюся вдруг Настюшу. – Надо вкладывать во что-то стоящее.

– А есть мы на что будем?

– Может, займём у кого-нибудь? У тебя же тут половина города знакомых и родственников.

Лара невольно скривилась. Вот у кого она в последнюю очередь будет занимать, так это у родни.

– Лар, ты от меня что хочешь? – начал заводиться Стас. – Думаешь, я на ваш грёбаный завод пойду?

Дочка притихла, сползла на пол.

– Я подумаю, – тут же сдалась Лара.

– Что ты подумаешь?!

– Где взять деньги. Ты пока выбери. Только подешевле.

6

Давно Лара так не волновалась. Даже когда делала доклад на конференции в Германии, чувствовала себя увереннее. А тут с самого утра всё из рук валилось, и позавтракать толком не смогла. Она и корила себя, и увещевала, что переживать из-за урока – глупость несусветная. Вот только тело продолжало кочегарить адреналин, напрочь не принимая доводов рассудка. Лара подправила презентацию, которую и без того удачно обкатала в 10 «А», вслух проговорила комментарии к слайдам. Оделась на этот раз строже – тёмная юбка до колен, пиджак и белая блузка с высоким воротником. Хотелось выглядеть авторитетно, а зеркало отразило округлившиеся испуганные глаза, поникшие плечи и сжатые в кулаки руки – явный признак волнения.

«Да что они мне сделают, в конце концов? Я умная взрослая женщина, а они – стая малолеток. Задавлю их интеллектом», – подзуживала себя Лара, шагая по школьному коридору, будто не в класс, а на бойцовский ринг.

К счастью, ненавистной Екатерины Васильевны в лаборантской не оказалось, и Лара смогла спокойно настроить видеопроектор во время перемены. Она решила предстать перед 10 «Б» уже после звонка, чтобы не дать возможности особо дерзким, например Золотарёву, выкинуть очередную гадость. На уроке дисциплина считается непререкаемой, а на

переменах можно хоть на ушах стоять, лучше лишний раз не нарываться.

Последние минуты перед уроком Лара отсиживалась в лаборантской. Наконец мощно прозвенело, но звон не прекратился и спустя несколько секунд. Лара прислушалась и поняла, что звук, тонкий и пронзительный, идёт теперь из класса. Она недоумённо выглянула за дверь, звук тотчас оборвался. Появление перед учениками оказалось не столь эффектным, как Лара планировала. Ребята все как один смотрели на неё так, что она вдруг почувствовала себя голой на площади. Тишина в классе была зловещей. Лара вышла к доске и поздоровалась. Никто не проронил ни звука, не шелохнулся.

«Молчат – тем лучше. Моё дело отчитать урок», – решила не вестись на провокации Лара.

Она открыла экран компьютера, запустила презентацию и начала рассказывать тему, поражаясь, как пискляво звучит её голос сегодня. Двадцать пар глаз не мигая таращились на неё, ребята не двигались. Ларе стало жутковато. Формально дисциплину они не нарушали, но так и хотелось одёрнуть каждого, сказать что-нибудь такое, что разморозило бы их, заставило отреагировать. Лара продолжала монолог. Объясняя основные законы наследственности, она повернулась к доске, чтобы прокомментировать слайд, и тут же вздрогнула. За спиной, со стороны окна, пронзительно и тонко загудело. Не успела Лара оглянуться, звук прервался.

– Кто это сделал?

Ответом было молчание.

– Золотарёв, встаньте!

Тот поднялся, не отрывая от Лары презрительно наглых глаз. Она знала, источник звука был совсем в другой стороне, и глупо подозревать Золотарёва. Но без сомнения, именно он инициатор этой дурацкой акции.

– Кто гудел? – потребовала ответа Лара, зная наперёд, что ответа не будет. Она подождала несколько секунд, но, проиграв Золотарёву игру в гляделки, вынуждена была сдаться. – Хорошо, тогда стойте.

Лара вернулась к доске и продолжила объяснения, скользко въедливым взглядом по классу. Ребята отлично подготовились. Никто себя не выдал. Тогда Лара намеренно повернулась к доске, и противный звук не заставил себя ждать. Лара не оборачивалась. Звук не прекращался. Сначала гудело только справа, но скоро звук пошёл из разных концов класса. Лара медленно обернулась – звуки почти синхронно оборвались.

– Кто гудел, встать, – пролепетала Лара.

На этот раз ей подчинились беспрекословно. Поднялись все.

– Вон из класса!

Ребята собрались молниеносно и с каменными лицами, всё так же молча, покинули кабинет. Последний даже двери прикрыл.

Лара села за первую парту, уронила голову на руки и раз-

рыдалась в голос:

– За что они так со мной? Я ведь ничего им не сделала?!

Скоро в кабинет постучали, и тут же в дверях появилась Полина Сергеевна. Лара едва успела утереть щёки.

– Я встретила детей на лестнице... У 10 «Б» сейчас биология по расписанию или я ошибаюсь?

– Я их отпустила, – всё ещё хлюпая носом, выдавила Лара, кое-как сдерживая рыдания.

– Как это понимать? – татуированные брови завуча взметнулись.

– Они сорвали урок. Устроили дикую акцию. Гудели какими-то свистульками и не давали мне объяснять тему. – Лара ещё раз вытерла щёки. Слезы не желали униматься. Давно ей не было так обидно, а уж с ней в жизни всякое случалось. Но никто ещё настолько беспричинно, на ровном месте, не показывал ей своей ненависти.

Полина Сергеевна подошла ближе, оперлась о парту:

– Вы знаете, Лариса Викторовна, работа учителя напоминает мне работу факира. На каждом уроке вы заклинаете кобру, и стоит ослабить внимание – сожрут с потрохами! Дети – это не всегда добро, понимаете ли... Я даже так скажу: они все предатели. Стоит чуть оступиться, и как бы вас ни любили прежде... – она отмахнулась. – Поэтому, мой вам совет, держите себя в руках. В школе главный всегда и во всём учитель. Groш цена тому учителю, который не может наорать на ученика так, чтобы тот потом два дня заикался.

А вообще, я вам этого не говорила.

Лара замерла и вжалась в стул. Завуч пошла к дверям и, прежде чем выйти, бросила:

– Успокойтесь и приведите себя в порядок. Увидимся завтра. Вы ведь не забыли про конкурс танцев?

Слова завуча окончательно выбили из колеи. Домой Лара вернулась тихая, потухшая. А там ждал сюрприз: муж приготовил нехитрый ужин и привёл дочь из садика. Он выглядел довольным, энергичным, даже помог Ларе повесить в шкаф пуховик.

– Что, училка, как дела? – весело спросил он. А Лара в ответ опять зашмыгала носом и тут же выложила всё как есть.

– А мы однажды поставили деревянную лавку торцом и прислонили к двери так, чтобы, когда учитель вошёл в класс, она его по голове шибанула. Был у нас чокнутый географ – старый маразматик, – принялся вспоминать Стас. – Но каким-то чудом пронесло, лавка упала и не задела его.

– Спасибо, поддержал, – насупилась Лара.

– Подумаешь, малолетки погудели немного. Ни рукоприкладства, ни матов, одежду тебе не испортили... Ларка, что за нежности такие? Ну их в пекло! Поставь пару двоек, успокоятся.

– Боюсь, в штат меня не возьмут, – продолжала канючить Лара, уже и сама не понимая, отчего вдруг так расчувствовалась. Она вымыла руки над кухонной раковиной и села за стол. Настюша уже сидела на детском стульчике и ковыря-

лась в каше. Стас поставил перед Ларой тарелку со спагетти и парой сосисок.

– Да куда они денутся? – он отвернулся к плите, накладывая себе. – Молодая, талантливая, симпатичная – возьмут. А подростки – дебилы. Ты тут при чём? Ешь давай лучше! – Стас плюхнулся на табурет напротив Лары.

Примитивные рассуждения мужа, как ни странно, подействовали на неё успокаивающе. Ей только и нужно было, чтобы кто-то сказал, что всё наладится. В конце концов, есть вещи и поважнее – спокойный семейный ужин, когда они со Стасом разговаривают без взаимных упрёков и наездов.

Лара облокотилась о стол, упёрлась подбородком о руки, с умилением наблюдая, как дочь размазывает по лицу кашу. Стас тоже заметил, протянул Ларе полотенце, потом передумал и сам принялся вытирать лицо Настюши, ругая её в шутку.

– Как твой трек? Закончил? – спросила Лара.

– Да! – тут же воодушевился Стас, – Макар заценил. Он поможет со сведением на нормальном железе. А то я тут как без рук.

Лара помолчала с минуту, потом решилась:

– У меня в запасе двадцать тысяч, и если ты действительно хочешь вернуться к работе...

– Ларка, супер! Я уже присмотрел в интернете. Можно заказать из Китая. Идти будет долго, зато копейки! – Он приподнялся со стула, потянулся к ней и поцеловал прямо в гу-

бы.

Лара почувствовала, как изнутри обдало жаром. Они так отдалились после рождения ребёнка, что этот лёгкий поцелуй замер у неё на губах, будто был первым. Ларе показалось, что и Стас на секунду смутился. Она взяла его за руку:

– Ты молодец. У тебя всё получится.

Лара никогда особо не вникала в тонкости создания музыки, относясь к ней исключительно потребительски. Она даже не могла бы сказать, какой именно стиль предпочитает. Ей нравились отдельные исполнители, а чаще композиции – всё остальное её не интересовало.

Лара спрашивала себя – как только они со Стасом, такие разные, сошлись? Орбиты их жизней нигде не пересекались: ни общих друзей или хотя бы знакомых, ни мест, где оба любили бывать и могли бы встретиться. Они жили в противоположных от центра районах Питера, будто на разных планетах. Лара ничего о популярности Стаса не знала, и встретились они случайно. В ночной клуб её затащили подруги – устроили сюрприз на день рождения. Но главным сюрпризом оказался Стас. Его попросили поздравить Лару с днём рождения со сцены. Их буквально столкнули нос к носу, иначе они бы и не заметили друг друга. Сколько фанатов бежало за Стасом, а он выбрал её – неспособную в полной мере оценить его музыкальный талант. Он потом говорил, что никогда не заводил отношений с поклонницами: «Раздражает, когда в глаза заглядывают, даже не вникая, о чём ты говоришь. И тем более противно, если явно хотят использовать, урвать кусочек славы».

До этого знакомства Лара считала, что выражение «вскру-

жил голову» лишь фигура речи. Стас был весёлым, кипучим, страстным. Круговерть незнакомых чувств увлекла Лару, подняла над землёй. Казалось, она пылала изнутри, и этот огонь сжёг дотла все былые связи, изменил её навсегда. Ведь Лара была правильной, послушной девочкой – блестяще окончила школу, университет с красным дипломом, аспирантура и стабильные отношения с серьёзным парнем из хорошей семьи. Лара даже собиралась за него замуж. Она порвала с женихом в одночасье, не сомневаясь ни секунды, освободилась, будто бабочка выпорхнула из кокона.

Заявление в загс они со Стасом подали через две недели после знакомства. Решение казалось естественным и правильным. Лара позвонила домой. Родители поздравляли и обещали приехать на свадьбу. Но когда приехали и увидели совсем другого человека, запретили Ларе выходить замуж. Она лишь рассмеялась в ответ. Что могли знать о настоящей любви люди, прожившие вместе тридцать лет и всё это время тихо ненавидевшие друг друга? Родители уехали со скандалом, а Лара и Стас расписались без свидетелей, не пригласив на регистрацию даже друзей. Не было фаты, белого платья и смокинга, лимузина и пьяных родственников, денег в конвертиках и криков «горько». Но более счастливой, чем в тот день, Лара себя не помнила.

Семейная жизнь казалась сказкой, но скоро у Стаса обнаружили пристрастия, которых Лара не замечала раньше по своей наивности. Наркотики – вот откуда брались и кипучи-

чая энергия, и блеск в расширенных зрачках мужа. Никто из прежнего окружения Лары не употреблял допингов сильнее табака, кофе и шоколада. Она испугалась, а муж не видел в употреблении никакой проблемы: «Это ерунда! Мне нужно зажигать толпу. «Снежок» безобидный, все на нём сидят». Стасу хотелось и дальше веселиться, а Лара уже не могла. Совсем растерявшись, она не нашла ничего лучше, чем позвонить родителям и попросить совета. Всю жизнь она будет жалеть об этом звонке. Её в буквальном смысле прокляли за неудачное замужество и непослушание. Тогда, вопреки здравому смыслу, Лара решила остаться с мужем. К тому же появились новые обстоятельства, с которыми пришлось считаться – Лара ждала ребёнка, одной ей было не справиться, а муж всё-таки зарабатывал и очень неплохо. Стас обещал бросить наркотики, но на деле вышло наоборот: сначала он только нюхал, потом начал курить, потом дошло до инъекций. Муж согласился, что у него проблемы, лишь увидев последствия своего наркотического бреда, когда он ногтями изодрал в кровь руки и ноги, пытаясь избавиться от невидимых насекомых.

Лара нашла частную клинику – почти все сбережения пошли на лечение кокаиновой зависимости. Психолог мужа рекомендовал хотя бы на время сменить обстановку, не возвращаться к привычной рутине. Сам Стас умолял увезти его куда-нибудь от соблазнов. Лара решила дать их отношениям второй шанс и, кажется, поступила правильно, вернувшись

с мужем в родной город. Простая жизнь среди людей, далёких от легкомысленного существования богемы, поможет им окончательно сблизиться. Лара была уверена, сегодня разделяющая их с мужем стена рухнула.

Стас бойко перелистывал страницы интернет-магазина и увлечённо объяснял, почему стоит заказать именно этот контроллер и чем драм-машина отличается от синтезатора. А Лара мысленно вздрагивала каждый раз, когда они с мужем соприкасались плечами, и он невзначай клал руку на её колено и слегка сжимал его. Она едва могла сосредоточиться.

– Ну что, покупаем? – Стас навёл курсор на кнопку «Оплатить».

– Это сколько получается? – Лара задумалась, в уме конвертируя доллары в рубли.

– Где-то около двадцатки и выходит. Лар, мы же решили...

– Хорошо. – Она развернула к себе ноутбук, достала из кармана халата платёжную карту. Стас отвёл взгляд и даже отсел чуть дальше, всем видом показывая, что не собирается подсматривать, как она вводит номер. Ларе стало стыдно, что приходится не доверять мужу. Унизительно и для него, и для неё тоже, тем более что на счёте после покупки останутся копейки.

Лара ввела данные карты.

– Не хочешь ещё раз проверить? – спросила она, поворачивая монитор к мужу.

– Да всё нормально, давай уже!
Лара подтвердила оплату.

8

В пятничный вечер в гимназии было не протолкнуться. На входе у рамки металлоискателя затор и капитальный до-смотр сумок. В коридорах шумные толпы учеников, одетых ярче и вольнее, чем обычно разрешено. Боевой макияж у девчонок, и даже у некоторых мальчишек на лицах что-то выведено чёрным карандашом. Повсюду какофония, и в каждом закутке стайки репетирующих танцевальные номера.

Лара прошла в учительскую – и там тесно. Не успела поздороваться с коллегами, её тут же взяли в оборот. Физрук Валера бесцеремонно подхватил Лару под руку и отвёл в спортивный зал, где полным ходом шла подготовка к конкурсу. В коридоре, на подступах, толпа ребят из пятых-шестых классов, уже ждала, когда начнут запускать. Все жаждали занять места в первых рядах.

Валера попросил Лару проследить за расстановкой стульев по периметру зала. Сами стулья громоздились высокой пирамидой под баскетбольным кольцом. Несколько мальчишек лет двенадцати уже растаскивали их.

– Всё равно усядутся на пол. Это для последнего ряда, кто ростом не вышел, – пояснил Валера. – И ещё распорядитесь, чтобы принесли несколько парт из соседнего класса. Вот ключи от двести пятого.

– А это зачем? – Лара растерянно приняла ключи.

– Для учителей. Не на полу же вы сидеть собираетесь? – ухмыльнулся Валера.

Вдруг взгляд его метнулся в сторону. Он оглушительно свистнул, заложив два пальца в рот.

«Зачем только ему свисток на шее?» – невольно подумала Лара.

– Вы куда? – мощно заорал физрук ребятам со стульями. – Там же турники! Стулья там зачем?!

– Поставьте штук пять в ряд под окнами, – сбавив тон, продолжил распоряжаться Валера, обращаясь опять к Ларе. – Там самый лучший обзор для судей. Главное, не пускайте лишних охломонов в зал до начала. А то устроят тут бардак. – Он попятился к выходу. Лара за ним. – Справитесь? Я вернусь минут через пятнадцать.

Лара неуверенно кивнула. Валера втиснулся в толпу ребят в коридоре и быстро растворился в ней.

Лара застыла на месте, подпирая двери в спортивный зал. Не успел физрук скрыться, как её начали донимать вопросы: «Когда же начнут запускать?»

– Ребята, зал ещё не готов, нужно принести парты, – пискляво отбивалась Лара от особо настойчивых. – Кто хочет помочь? – голос утонул в общем гуле, на её призывы никто не откликнулся. Вокруг галдело с полсотни детей.

У Лары закружилась голова. Она не выносила столпотворений и уж тем более не умела управлять толпой. Как-то в

партере ночного клуба на выступлении Стаса её чуть не задавили. С тех пор Лару охватывала паника, стоило ей оказаться посреди людских скоплений.

Заметив в конце коридора, у окна, компанию старшеклассников, она закричала:

– Эй, ребята! У окна!

Лара почти не надеялась докричаться, но, вероятно, голос её прозвучал настолько истерично, что один из парней, рыжий в красной кепке, обернулся. А за ним и трое других посмотрели на Лару. Тут только она поняла, что знает их – десятиклассники Калюжный, Земцов, Усов и Золотарёв. Лара смущённо замешкалась, потом всё-таки призывно замахала рукой. Парни не спеша тронулись с места, по-хозяйски оттеснили толпу, подошли.

– Ребят, – Лара старательно избегала встретиться взглядом с Золотарёвым, – посторожите дверь, пожалуйста. Никто не должен войти.

Парни смотрели угрюмо, на их лицах не промелькнуло и тени сочувствия. Лара смутилась окончательно и, не дожидаясь их согласия, поспешила прочь от спортивного зала. Попутно она прихватила с собой несколько мальчишек из толпы, чтобы те помогли ей принести парты из двести пятого кабинета.

Когда Лара вернулась, школьники шастали туда-сюда через распахнутые настежь двери спортзала. Ларе пришлось прокладывать дорогу ребятам, несущим сзади парты. Потом

она напрасно потратила десять минут, пытаясь расчистить место для столов под окнами. Там уже успели обосноваться зрители.

– Лариса Викторовна... – простонал, вернувшись, физрук. – Я же просил никого не впускать.

Лара выглядела настолько беспомощно, что объясняться с Валерой не потребовалось. Он лишь помотал головой, мол: «где вас таких берут?», а потом громогласно свистнул и заорал басом:

– А ну-ка встали и вон отсюда!

Дети тут же схлынули, освободив пространство.

– Посмелее, Лариса Викторовна, иначе сожрут, – доверительно проговорил Валера, обдав висок Лары дыханием с запахом недавно съеденных столовских котлет.

– Так, – тут же заорал физрук и замахал руками, – парты в ряд!

Когда столы и стулья расставили по местам, Ларе наконец позволили сесть и больше не участвовать в подготовке к конкурсу. Физрук разложил на столах наборы карточек с цифрами от одного до пяти. Лара тоже получила свой набор. Скоро подошли другие учителя, расселись слева и справа от Лары.

– А по каким критериям ставить оценки? – тихо спросила она у соседки, дородной молодой дамы с высокой грудью и русой косой, уложенной вокруг головы. Та снисходительно посмотрела на Лару, потом всё-таки снизошла до ответа:

– Понравилось – ставьте пять, – сказала она глубоким грудным голосом, – так себе – четыре, плохо станцевали – три.

– Понятно, – процедила Лара, выкладывая отдельно карточку с цифрой пять.

«Вошла и уселась, как королева, на всё готовое. Эту, небось, попробуй заставь сторожить зал и расставлять парты. – Лара метнула укоризненный взгляд на физрука, который всё ещё носился по залу, как Флеш, раздавая команды. – Это я дурочка, которой можно помыкать».

Поток школьников не иссякал. Через полчаса спортивный зал заполнился настолько, что в центре остался лишь очерченный красной линией танцпол. Последними входили старшеклассники. Они бесцеремонно усаживались на пол в первой линии, заставляя детей помладше тесниться. Те самые пятые-шестые классы, что пришли раньше всех, оказались в последних рядах на стульях.

Ещё полчаса ждали, пока звуками настроят аппаратуру. Тем временем в центр танцпола вышла директриса и объявила о начале конкурса. Она долго о чём-то вещала, но Лара совсем не слушала. Она чувствовала себя инородным телом, помещенным в токсичную среду. Грудастая дама с косой что-то нашёптывала соседке, тощей брюнетке, то и дело косясь на Лару. Казалось, весь зал смотрит на неё, и все замечают, что она здесь лишняя.

– Пошумим! – прокричала в микрофон директриса. Лара

вздрогнула и недоумённо приподняла бровь: «Откуда старуха набралась таких словечек и знает ли вообще, откуда берутся подобные выражения?»

Заиграла музыка, и первую команду из 6 «А» пригласили на танцпол. Стайка девчонок в коротких чёрных платьях с оборванными подолами выпорхнула в центр. Они тут же застыли в пафосно-нелепых позах, изобразив на лицах фальшивую скорбь. Зрители захлопали, кто-то в дальнем углу зала свистнул. А Ларе показался смешным этот неумелый театр, она поспешила спрятать улыбку, уперев подбородок в сцепленные руки. Она вспомнила, что и у них в школе проводились подобные конкурсы. Сама Лара никогда не участвовала, танцор из неё тот ещё, а вот болельщицей была яростной. Как это она забыла? Всё тогда казалось серьёзным и важным – школьные соревнования и суета вокруг них. Да и сейчас та же суета, только по другим поводам, которые через несколько лет наверняка покажутся ничтожными.

Девчонки танцевали лихо, хоть иногда теряли ритм и сбивались, да и с пафосом перебарщивали. Рассудив, что команда заслуживает твёрдую четвёрку, Лара подняла нужную табличку. Дама с косой укоризненно фыркнула.

– Молодцы девчонки! – воскликнула она, поднимая карточку с пятёркой.

Другие судьи тоже поставили пять.

Все последующие выступления Лара проявляла абсолютную солидарность с мнением соседки: у той четыре, значит,

и у Лары четыре, пять – и Лара пятёрку поднимает. Дама с косо́й других оценок не ставила.

Судить оказалось просто, танцевальные номера по большому счёту не отличались – сплошь детская самостоятельность, которая обычно приводит в восторг и умиление родителей и кажется слегка нелепой посторонним. Но музыку для конкурса подобрали неплохую, в каждом номере обязательно играла прогремевшая хитовая композиция, и скоро Лара поймала себя на мысли, что ей хорошо и весело, даже самой захотелось потанцевать.

Лара опять напряглась, лишь когда на танцпол вышла четвёрка парней из 10 «Б» – тех самых, что подвели её. Она сложила на груди руки и, откинувшись на спинку стула, хмуро посмотрела на них. Парни переглянулись, огненно-рыжий Калюжный что-то быстро сказал Золотарёву, тот пренебрежительно усмехнулся, буравя Лару взглядом исподлобья.

«Получите вы у меня оценку...» – злорадно подумала Лара, раздражаясь ещё сильнее.

Парни встали в круг. Отвернув козырьки кепок назад, они соприкоснулись головами и положили руки друг другу на плечи. А когда заиграла музыка, они молниеносно перегруппировались, и трое буквально выбросили вперёд четвёртого. Золотарёв пролетел метра три и приземлился на одно колено прямо напротив судейского стола. Лара вздрогнула и отпрянула. Дама с косо́й даже охнула. А Золотарёв, явно довольный произведённым эффектом, сделал неожиданный выпад

ногой, задрав её на уровень Лариного носа. Он неестественно вывернул ступню, будто она ему не принадлежала, на миг задержался в этой позе, а потом стремительно подскочил и присоединился к танцующим во второй линии друзьям. Четвёрка танцевала смело и агрессивно, делая немыслимые поддержки и кульбиты, двигаясь так, словно тела состояли не из костей и мышц, а из суперпрочного эластичного материала. Спортивный зал ревел. Казалось, именно этого выступления все ждали, а остальные были лишь для разогрева.

Лара затаила дыхание, чувствуя, как в груди становится жарко. И даже крики толпы, казалось, звучали теперь тише, будто из-за стекла. Лара невольно обняла себя за плечи, её спина вытянулась в струну и застыла в таком положении до конца выступления. От четвёрки парней невозможно было отвести взгляда. Лара следила лишь за тем, чтобы не слишком выказывать своего восхищения.

Танцевальный номер завершился ещё одним неожиданным выпадом. Зал ревел, отовсюду свистели и кричали. Ларе тоже хотелось хлопнуть, но она сдержалась, заметив, что другие судьи ведут себя более чем сдержанно. Видно, дерзость парней пришлась не по вкусу. Когда настало время выставить оценки, Лара убедилась в своей правоте: судьи ставили тройки, дама с косой подняла табличку с цифрой «2». Лара медлила с оценкой, а команда из 10 «Б» уже пробиралась сквозь толпу зрителей к выходу из зала. Учителя за столом шушукались, им не нравилось пренебрежение к судейству.

– Ну что вы? – дама с косой тронула Лару за плечо.

Лара подняла табличку. Зал одобрительно заревел. Парни на секунду обернулись, и Ларе показалось, что она уловила мимолётное недоумение на их лицах.

– Зачем вы поощряете такое поведение? – зашипела соседка. – Это школа, а не вертеп! Эти четверо каждый год устраивают провокации.

– Извините, – растерянно пролепетала Лара, теперь уже и сама не понимая, почему вопреки мнению других судей поставила отлично за выступление. – Просто, мне показалось, они хорошо танцевали.

– Показалось ей! – презрительно процедила грудастая дама.

В кармане Лары завибрировало. Она достала телефон и рассеянно посмотрела на экран. На электронную почту пришло странное письмо с иероглифами вместо имени отправителя. «Должно быть, спам», – машинально подумала Лара и поспешила спрятать телефон, замечая, как соседка опять недовольно фыркнула.

9

Выходные прошли бездарно. Стас то слонялся по квартире, то валялся на диване в наушниках, слушая транс и пялясь в экран компьютера. Лара знала это его настроение, когда он скучал, в любой момент готовый сорваться и бежать за дозой. К счастью, своих денег у Стаса не осталось, а дилеры незнакомцу в долг не дадут. Сердобольные друзья-торчки, у которых всегда было чем угоститься, остались в Питере. Стас, конечно, мог бы попытаться выпросить денег у Лары. Так бывало, но он пока держался, и только смотрел хмуро, напряжённо вздыхая. Лара старалась лишний раз не попадаться мужу на глаза. В такие дни она и сама еле сдерживала гнев и раздражение, чувствуя абсолютное бессилие в попытках изменить мужа. Оставаться понимающей и сочувствующей, как советовал психолог в наркологической клинике, становилось невыносимо. В глубине души Лара не понимала и не сочувствовала, но приходилось терпеть.

– Ты ведь хотел написать ещё один трек, – не выдержала она.

– А я, по-твоему, чем занят? – прорычал Стас.

– По-моему, ты маешься от скуки.

– Слушай, отстань! – он закрыл ноутбук, перевернулся на бок и уткнулся носом в спинку дивана. – Я устал.

Лара сделала над собой усилие, чтобы не расплескать раз-

дражение:

– Знаешь, у нас в гимназии есть неплохое музыкальное оборудование. Хочешь, я попрошу директора, и тебе разрешат им пользоваться. Провёл бы пару бесплатных дискотек...

– Ты издеваешься?! – Стас презрительно взглянул на Лару. – Может, мне ещё на свадьбах «Дым сигарет с ментолом» крутить?

– Надо с чего-то начать.

– С какого рожна мне начинать?! – он рывком сел. – Да у них денег столько не будет, чтобы нанять меня на вечер! Я хочу вернуться в Питер!

Лара подавила ещё один приступ гнева:

– Я тоже. Но у нас даже на билет нет денег.

Стас опять плюхнулся на диван и отвернулся.

– Ну и отвали от меня тогда, – пробурчал он.

Психанув, Лара быстро собралась и ушла с дочкой на прогулку. Иначе очередного скандала не избежать. Она отвела Настюшу на детскую площадку. Погода стояла тёплая, в воздухе опять запахло весной, и на детской площадке царило оживление. Лара присела на лавочку, наблюдая, как дочка возится в отсыревшем податливом снегу. Повторяя за другими детьми, Настюша принялась катать колобки для снежной бабы.

Мысли Лары потекли спокойнее. Она вдруг подумала, как было бы хорошо вернуться домой и не застать мужа. Пусть

он исчезнет навсегда, испариться без лишних слов и всех этих ритуалов вокруг расставания. Ведь можно просто закрыть за собой дверь и тихо уйти не прощаясь. Лара не в первый раз размышляла об этом, но лишь сегодня не почувствовала болезненных спазмов в груди. Не пора ли признаться, их отношения – ошибка, как бы она ни хотела доказать себе, а главное – родителям, обратное. Лара мысленно одёрнула себя, боясь дать волю фантазии, заиграться в независимую женщину: «Это только кажется: с глаз долой – из сердца вон! А ведь если бы Стас и вправду исчез, страшно подумать, что бы со мной стало. Наверное, удавилась бы, если бы не дочь». Противно было осознавать свою бесхитрость и бесхарактерность. Неужели Стас ей нужен любой: не только успешный, популярный и богатый, но и опустившийся нищий наркоман?

Лара услышала тихие щелчки и оглянулась. На соседней лавке сидела её мать и фотографировала Настюшу на телефон.

– Кто тебе разрешал?!

Лара подскочила к дочке, подхватила её на руки и понеслась прочь от детской площадки. Мать не отставала, спешила следом выкрикивая:

– Настенька, я твоя бабушка! У меня для тебя подарок.

Настюша начала извиваться:

– Мама, у тёти подавок!

– Это чужая тётя, она злая, – запыхавшись, проговорила

Лара. Она перехватила покрепче дочку, но та продолжала ёрзать на руках и показывать пальцем на бегущую позади мать.

Каблуки сапог разъезжались в стороны на плохо вычищенном тротуаре, руки и плечи отнимались. Лара быстро выдохлась и перешла на шаг.

– Лариса, как тебе не стыдно! Что ты такое говоришь девочке! В чём она виновата? – послышался дрожащий голос матери из-за плеча.

Лара обернулась. В руках мать сжимала маленький свёрток в пёстрой обёрточной бумаге. Её постаревшие блёклые глаза слезились.

– Возьми хотя бы подарок для внучки, – она протянула свёрток.

По лицу Лары пробежала судорога.

– Не приближайся! – завопила она не своим голосом. – Не нужны нам ваши поганые подачки! И не смей смотреть на моего ребёнка своими лживыми глазами! Вы родную дочь прокляли, сглазили! Убирайся к чёрту!

На впалых щеках матери выступили красные пятна. Высокая норковая шапка сидела криво, из-под неё выбилась седая прядь мокрых волос и прилипла ко лбу. Она медленно опустила руку со свёртком.

Лара почувствовала на щеках холодок и только тогда поняла, что плачет. Настюшка на руках брыкалась и оглушительно редела. Лара прижала к груди дочь и опять побежала,

но мать больше не преследовала, осталась позади, растворилась между домами.

«Убирайся к своему наркоману! Ты нам не дочь! – без остановки вертелось у Лары в голове всю дорогу до дома. – Я поступала правильно, правильно... – судорожно повторяла она про себя. – Надо иметь гордость. Старая ведьма приходит только для того, чтобы в очередной раз уколоть, обвинить в чем-то... Раз я ей не дочь – она мне не мать!»

Вернувшись домой, Лара застала мужа спящим. Он, вероятно, так и не вставал с дивана. Выражение его лица казалось блаженным, беспомощным и умилительным. Глядя на него, долго злиться не получалось. Лара вспомнила свои мысли на детской площадке и поразились их нелепости: «Стать матерью одиночкой – жалкой неудачницей, дать повод родителям поглумиться над собой. Не дождётесь!» Стас капризный, эгоистичный и заносчивый, склонный к саморазрушению, но он никогда не осуждал её и не пытался переделать. И живут они без оглядки на других, не подстраиваясь, не прогибаясь, как родители. Те всю жизнь терпят и ничего не ждут. Муж стал для Лары освобождением, раскрепощением. Он нужен ей, а она ему.

Лара велела Настюше не шуметь, сама принесла из спальни плед и накрыла мужа. Под подушкой у него звякнул телефон, но Стас спал крепко, даже не шелохнулся. Лара осторожно вытащила сотовый, немного помедлила, потом всё-таки подставила его к лицу Стаса – экран разблокировался.

В верхнем левом углу горел значок WhatsApp. Лара открыла мессенджер. Писал Макар:

«Что за вторичный шлак ты мне прислал? Давай уже, прочищай мозЫг, Бетховен! А опус свой можешь на деревенской дискотеке замикшевать».

Лара смотрела на сообщение, пытаясь сопоставить со словами мужа: «Макар заценил...» Выходит, Стас принял желаемое за действительное, понадеявшись на друга. Макару новые биты не понравились, и помогать со сведением он, очевидно, не собирается.

«Да кто он такой! Специалист хренов! Зазвездившийся отморозок!» – Лара сдвинула брови. Она выделила сообщение из списка и удалила. Конечно, Стас был уверен, что его поддержат, это в его характере, но Макар – тот ещё друг! Если Стас услышит критику, высказанную так грубо, никогда не вернётся к работе, так и будет валяться на диване, целыми днями жалея себя. Понятно, что он много пропустил, потерял сноровку, но всё вернётся, если только упорно работать. Нужно поддержать его, пока не придёт оборудование.

Всё же неприятное беспокойство поселилось в душе Лары. Она решила, поговорит с мужем, как только тот проснётся. Но Стас проспал до утра.

Утром поговорить с мужем тоже не получилось. Он жаловался на тошноту, видно, подхватил желудочный грипп. Ларе пришлось самой вести дочь в садик, а потом бежать в гимназию, хотя на урок к 10 «Б» совсем не хотелось. Она терялась в догадках, как поведут себя ученики на этот раз, как ей самой держаться с ними. С одной стороны, они сорвали прошлый урок, а с другой – Лара совершенно искренне дала высший балл их команде на конкурсе танцев. Это, конечно, ерунда, но для их возраста такие поступки кажутся важными.

– Вы поставили 10 «Б» отлично за выступление? – спросила Полина Сергеевна, как только Лара появилась в учительской.

Лара растерялась, не зная, как реагировать: изобразить сожаление или бодро закивать. Она неуверенно мотнула головой и поспешила отвернуться к шкафу, делая вид, что ищет классный журнал.

– Они уже несколько лет устраивают провокации, их каждый раз валят. Но парни упёртые.

– Да уж, – буркнула Лара.

– И танцуют – огонь! – продолжала Полина Сергеевна. – Я только и прихожу, чтобы на них посмотреть.

Лара взяла с полки журнал и обернулась:

– Мне тоже показалось, что они отлично танцуют. Да, выпады резковаты... но... они могли бы даже зарабатывать на этом. Молодёжи такое нравится.

– Вы думаете, эти парни нуждаются в деньгах? Лариса Викторовна, здесь такие не учатся, – Полина Сергеевна присела на край стола и сложила руки на груди. – Вы мне вот что скажите, как урок будете вести?

Лара замаялась, зачем-то открыла журнал на случайной странице, несколько секунд тупо смотрела на столбики оценок.

Дверь в учительскую открылась и вошла та самая дама с косой, что судила на конкурсе.

– С добрым утром, Анна Ивановна! У вас расписание поменялось, не забыли? – Полина Сергеевна нажала кнопку чайника.

Ларе захотелось выскользнуть из кабинета, но она не знала, как сделать это незаметно. К тому же они с завучем не закончили разговор, и было бы невежливо уйти первой. До начала урока оставалось ещё полчаса. Лара прошмыгнула в угол кабинета, где стоял общий компьютер, открыла документацию и сделала вид, что пишет план урока.

– Что значит поменялось? Это вы мне его поменяли. А утро... оно для кого как, – Анна Ивановна медленно стянула с покатых плеч рыжую пушистую шубу, повесила её в гардеробный шкаф. Потом долго рассматривала своё отражение в овальном зеркале на стене, поправляя косу. – Последний

раз вы меня уговорили судить конкурс. Каждый год это безобразие!

– И не говорите! – с энтузиазмом поддакнула Полина Сергеевна.

– Вы видели, что на этот раз устроили?

– Да, я, к сожалению, имела удовольствие оказаться в зале.

– Весь этот либерализм и индивидуальный подход к ребёнку, о котором твердит руководство – чушь! С ними надо жёстко, иначе попробуй потом чему-нибудь научить. Вот в наше время...

– Это в девяностые-то? – засмеялась в ответ Полина Сергеевна. – Вы забыли, Анна Ивановна, в наше время можно было всё.

– Учитель должен быть авторитетом, – строго парировала Анна Ивановна. Обширная грудь её всколыхнулась. – Средний палец нам показали, а ведь скоро задницы будут показывать!

Полина Сергеевна налила себе чай в высокую кружку и теперь слушала коллегу, понемногу отпивая, чтобы не обжечься, и кивая. Лара, как ни старалась изобразить отстранённость, всё-таки не могла не обратить внимания на слова дамы с косой. Она слегка повернула голову и тут же встретилась с ней взглядом.

– А вам, милочка, всё это кажется забавным? Или вы хорошими оценками пытаетесь подмазаться к ученикам? Мне рассказывали о вашем преподавательском подходе, – много-

значительно проговорила Анна Ивановна.

«Вот уже и обо мне сплетничают», – с отвращением подумала Лара.

– Я поставила отлично за мастерство, – тихо, но твёрдо ответила она.

Потом вдруг воодушевившись, добавила:

– В них столько искренности, непосредственности, бескомпромиссности и настоящей страсти!

– Ах, страсти... – ехидно повторила Анна Ивановна.

Лара быстро закрыла документы на компьютере, встала и нервно оправила юбку:

– Извините, у меня сейчас урок. Я зашла только за видеопроектором, – стушевавшись, проговорила она.

– У Ларисы Викторовны сегодня открытый урок, – Полина Сергеевна отставила кружку. – Я понаблюдаю, как она общается с ребятами. Опыт преподавания у неё действительно небольшой, возможно, я смогу что-то подсказать.

Лара замерла. Глаза её округлились.

– Не волнуйтесь, мешать не буду. Просто посижу за последней партой.

Лара растерянно кивнула:

– Спасибо. Это было бы... да...

Полина Сергеевна помогла Ларе справиться с видеопроектором и проводами, сама взяла классный журнал и скрученный в рулон белый экран. Анна Ивановна проводила их слегка высокомерным взглядом. Впрочем, Ларе могло

лишь так показаться. Дородная фигура Анны Ивановны была настолько внушительной, что невольно вызывала чувство неполноценности.

– Что же вы как белая овечка, всего пугаетесь? – бросила Полина Сергеевна, пока они шли по коридору к классу. Её выющиеся волосы мягко пружинили на каждом шагу, высокие каблукки уверенно цокали о бетонный пол, в голосе слышалась досада. – Коллектив у нас женский, Валера и пара трудовиков не в счёт. Такова специфика профессии, ничего не поделаешь. Какой нормальный мужчина пойдёт на учительскую зарплату? А женщины, сами понимаете, все с характером. К каждой индивидуальный подход требуется, поэтому приспособляйтесь.

Лара кивнула и, вспомнив разговор завуча с Анной Ивановной, подумала: «Вы отлично приспособились!..»

Вслух же ответила:

– Я понимаю. И знаете, это очень хорошо, что вы побудете на уроке. Я действительно не очень справляюсь в 10 «Б».

Тут притворяться было не к чему, Лара отчаянно нуждалась в поддержке.

– Посмотрим, – отрезала Полина Сергеевна.

Лара почувствовала, что оправдания излишни. Она должна проявить твёрдость характера, показать себя с лучшей стороны, иначе помощи ждать не от кого.

10 «Б» явно не ожидал появления завуча на уроке. Ребята переглядывались, слышались шепотки. Золотарёв с Калюж-

ным вошли в кабинет последними. Эти, не выказав удивления, сели по местам. Золотарёв не удосужился вынуть из уха беспроводной динамик, Калюжный не снял красной кепки, лишь козырёк развернул назад.

Лара начала урок. В присутствии завуча ученики вели себя более чем адекватно: ни шума, ни презрительных взглядов, все усердно конспектировали новую тему. Во второй половине урока Лара решила вызвать пару девочек к доске. Ответы заслуживали пятёрок. Лара не скупилась на похвалы. В течение урока она то и дело бросала взгляд на последний ряд парт, ожидая хоть какой-нибудь реакции от завуча. Но Полина Сергеевна большую часть времени просидела, уткнувшись в телефон. Когда Лара объявила, что должна провести небольшой проверочный тест, завуч встала.

– Спасибо, Лариса Викторовна. Продолжайте, пожалуйста, – с этими словами она вышла.

Настроение в классе тут же изменилось. Ребята застыли – ни шепотка, ни движения, все уставились на Лару холодными колючими глазами. У неё мурашки побежали по спине. В уголках глаз защипало, и Лара поспешила отвернуться. Несколько секунд ей потребовалось, чтобы взять себя в руки. Потом она быстро прошла по рядам, раздавая бланки с тестами.

– В конце урока положите работы на учительский стол, – объявила Лара.

Она юркнула в лаборантскую и быстро закрыла за собой

дверь. Прижавшись к ней спиной, Лара прислушалась, но, как ни старалась, не смогла расслышать ни разговоров, ни других звуков. Постояв так несколько минут, Лара прошла к письменному столу у окна. Не зная, чем себя занять, лишь бы не думать, она переставила на столе учебники, потом заметила на подоконнике тряпку и принялась стирать пыль с черепа пластмассового скелета в углу.

Лара показалась в классе, лишь после звонка с урока, когда шарканье стульев и топот стихли. На столе лежала ровная стопка заполненных бланков. Лара выдохнула с облегчением, но, когда пригляделась к тестам, стало ясно, что её в очередной раз провоцируют. Она перебрала исписанные бланки: в каждом тесте из вариантов ответов на вопросы была выбрана одна и та же буква. Золотарёв на все вопросы выбрал вариант ответа под буквой «А», его друзья Калюжный и Усов выбрали «Д», Земцов – «В», и даже девочки, при завуче отвечавшие у доски вполне дружелюбно, отметили в тесте единственный вариант ответа. Лару шокировала эта бескомпромиссная сплочённость.

«Ладно... Раз от меня ждут решительных мер и твёрдости...» – Лара поставила всем двойки за тесты и занесла оценки в журнал.

На следующий день утром Ларе позвонили из гимназии – директриса срочно желала побеседовать, но не по телефону. Пришлось собраться и идти.

В приёмной у директора секретарь встретила холодно и заставила ждать не менее получаса. За это время Лара извелась так, что у неё разболелась голова. А когда секретарь принесла и положила себе на стол классный журнал 10 «Б», у Лары не осталось сомнений, зачем её пригласили.

Наконец пробурчал селектор – Ларе разрешили войти в кабинет директора. Она встала, нервно оправляя юбку. Ей вспомнились детские походы к зубному, то гнетущее ожидание неотвратимых страданий, какой бы хорошей девочкой она ни была. За что ей всё это? Она честно выполняет свою работу, старается, готовится к каждому занятию. Ни разу не опоздала. Она знает свой предмет гораздо лучше, чем все эти дамочки с косами и седыми рогульками. И двойки она поставила не из вредности, а потому что ничего другого ученики не заслуживали. В конце концов можно проверить заполненные бланки тестов.

Ларе хотелось держаться прямо, но её взгляд приклеился к зелёной ковровой дорожке под ногами.

– Проходите, садитесь, – сказала директриса холодно.

Лара тихо поздоровалась и медленно опустилась на стул

напротив директорского стола. Спина и живот болезненно напряглись, пальцы рук судорожно сцепились.

В кабинете повисла гнетущая тишина. Директриса сначала просматривала классный журнал, потом какие-то бумаги. Потом ей позвонили, она резко ответила, что занята и перезвонит сама, когда освободится.

– Ну-с, Лариса Викторовна, – директриса подняла на Лару блёклые глаза, в ареоле густо покрашенных ресниц, – давайте вспомним, о чём мы говорили, когда вы поступали к нам на работу? – Она сделала паузу и продолжила: – Преподавательского опыта у вас нет, – подчеркнула она. – Теперь вы и сами понимаете.

У Лары совсем некстати заныл зуб мудрости.

– Что вы скажете на это? – Директриса развернула перед Ларой журнал со столбцом двоек.

Лара постаралась унять нервную дрожь и, преодолевая себя, ответила:

– Это оценки за тест. Ответы на вопросы были выбраны наугад, я не могла...

– Нет, вы могли! – директриса хлопнула журналом по столу так, что Лара подпрыгнула. – Милочка, классный журнал – официальный документ. Вы это понимаете?

Лара кивнула.

– Слова «репутация школы» вам о чём-нибудь говорят?

– Меня не предупреждали, что я не имею права ставить двойки, – отчаянно парировала Лара.

– Милочка, если вы не знали, так я вам сообщу, что наша гимназия – лучшее учебное заведение в городе, – директриса встала и быстро прошла к небольшому стенду на стене. Она ткнула пальцем в вырезку из газеты. – Я пошла вам навстречу, взяла на себя риск, приняв на работу. И что же мы получаем? Неумение и нежелание найти общий язык с коллегами, конфликты с учениками, неспособность организовать учебный процесс, вызывающее общественное поведение. Что дальше?

Лара судорожно припоминала, что в её поведении могло показаться вызывающим.

– Каким образом вы собираетесь поправлять ситуацию? Через две недели ежеквартальная комиссия из управления образования.

Лара молчала, не смея даже вздохнуть.

– Двойки должны быть ликвидированы все до одной! – Директриса вернулась к столу и ткнула указательным пальцем в классный журнал.

Лара кивнула.

– И учтите, Лариса Викторовна, на следующей неделе мы проводим аттестацию учителей. Вас это касается в первую очередь. Ученики будут оценивать ваши преподавательские способности по нескольким категориям. Предупреждаю, если не наберёте нужное количество баллов, я не подпишу ваш контракт на следующий месяц. У меня уже есть несколько претендентов на ваше место.

Директриса захлопнула журнал и подала Ларе. Потом взяла из стопки папок какой-то документ и углубилась в чтение. Лара растерянно ждала, что будет дальше.

– Можете идти, – процедила директриса, не отрывая взгляда от бумаги.

Лара встала и вышла в приёмную. Хорошо, что она оставила вещи в раздевалке, не пришлось подниматься в учительскую.

Едва сдерживая слезы, она выбежала из гимназии. Пробежав с десяток метров по школьной аллее, Лара почувствовала, что ноги от напряжения подкашиваются. Она плюхнулась на ближайшую лавочку, закрыла лицо руками. В горле спазматически сжималось.

Никогда институтское начальство не позволяло себе с ней такого тона. А в университете и подавно, её, круглую отличницу, все любили. Тут же, в родном городе, прежние заслуги в расчёт не брали. В её проблемы вникать не желали, виновата она или нет, никого не интересовало, когда на кону «репутация школы». Ведь обучение в гимназии не бесплатное, половина уроков считаются факультативными и обходятся родителям недёшево. Лара рассчитывала, что с её-то знаниями и серьёзным подходом к работе она скоро получит дополнительные часы, а выходит, что есть риск лишиться работы. Платить за Настюшин садик в следующем месяце нечем, а с ребёнком на руках другую работу не найти.

Все неприятности из-за идиотского противостояния с Зо-

лотарёвым. Это он настроил против неё класс.

«Мстительный, капризный поганец! – утирала слёзы Лара. – Неужели он не понимает, что ломает мне жизнь?! И было бы из-за чего».

Как исправить ситуацию, Лара не знала. Единственное, что пришло на ум – попытаться откровенно поговорить с Золотарёвым, объяснить ему своё положение, извиниться в конце концов. Но в гимназии подойти к нему нельзя, ещё на смех поднимет. Едва ли Золотарёв захочет выслушать её, когда вокруг друзья и одноклассники. Лучше встретиться с ним в присутствии его родителей. Они могли бы положительно повлиять на него. Взрослые люди всегда смогут договориться.

Лара достала из сумочки зеркальце, протёрла лицо платком и немного припудрилась, чтобы не бросались в глаза розовые припухлости на щеках и под носом. Потом она встала и пошла назад к гимназии, намереваясь узнать домашний адрес Золотарёвых в учительской.

Лара позвонила в домофон – ей открыли не спрашивая. Неуверенно поднимаясь по лестнице, она только сейчас подумала, что затея дурацкая и лучше бы ей немедленно уйти. Почему она не договорилась о встрече по телефону? Сколько раз её подводила собственная импульсивность и несдержанность. Разве можно вот так без предупреждения являться с претензиями к людям домой?

Пока она сомневалась, дверь на площадке второго этажа открылась и на пороге в круге розоватого света возник Золотарёв. Он, казалось, совсем не удивился приходу учительницы, лишь окинул её безразличным, расфокусированным взглядом. Вид у него был помятый: широкие тренировочные штаны и растянутая белая футболка с длинными рукавами, неряшливо собранные на затылке волосы, на переносице детский пластырь с картинками Микки-Маусов. Ларе сначала показалось, что во рту у него сигарета, но оказалось палочка от чупа-чупса. Золотарёв ничего не сказал, только невозмутимо посторонился, позволяя Ларе войти.

Прихожая поразила простором и изысканной современной обстановкой. На стене справа бросилась в глаза пара картин – японская графика с самураями, а под ними трюмо с высокой вазой в восточном стиле, слева – отдельная гардеробная. Лара замерла на пороге, а Золотарёв прикрыл входную

дверь и, шлёпая по паркету босыми ногами, скрылся в комнате. Скоро оттуда послышались хлопающие звуки и механическая трескотня. Лара немного постояла, обескураженная таким приёмом, потом разулась, повесила пуховик на вешалку в гардеробной и пошла в комнату.

Золотарёв сидел на диване, по-турецки поджав под себя ноги: в руках геймпад, взгляд упёрся в огромный, встроенный в стену телевизор. На экране мельтешила видеоигра. Справа от Золотарёва разместились стеклянный кофейный столик, сплошь заставленный банками с пивом и энергетиками, а в центре – огромный кремовый торт с оплавленной свечой в виде числа 17.

– Глеб, – неуверенно начала Лара, – я бы хотела поговорить с вами в присутствии родителей.

Золотарёв перекатил во рту чупа-чупс и, не отрываясь от игры, бросил:

– Их нет дома.

– А когда вернутся?

– Откуда мне знать? – он поставил игру на паузу, положил на диван геймпад и посмотрел на Лару. – Торт хотите? У меня днюха сегодня.

Лара нервно моргнула:

– Да... поздравляю. А почему один? – спросила она невпопад, не зная, как правильно реагировать. – Где друзья?

– Друзья сегодня не планировались. А вот родители обещали приехать, – он цыкнул языком и качнул головой. –

Прислали вместо себя торт. – Золотарёв протянул руку и зачерпнул двумя пальцами крем с верхушки торта. Он вытащил изо рта чупа-чупс и облизал пальцы. – Ничё так, вкусно. Отрезать вам?

– Хорошо, – рассеянно согласилась Лара.

– Да не стойте в проходе, садитесь вон на диван. Я принесу тарелку.

Золотарёв небрежно поднялся, прошёл в смежную с гостиной кухню и скоро вернулся с ножом и блюдцем. Потом отрезал громадный кусок, плюхнул его на блюдце и подал Ларе. Она взяла угощение и неловко присела на край дивана, поджав ноги.

Никогда ещё она не чувствовала себя настолько неудобно. Одной рукой удерживая тарелку с тортом, другой беспрестанно поправляя то кофточку, то юбку, Лара лихорадочно соображала, что говорить и делать дальше.

– А что с носом? Случайно не подрался? – спросила она после затянувшейся неудобной паузы, чтобы хоть как-то поддержать разговор, и тут же пожалела о сказанном.

– Хорошо же вы обо мне думаете, – хмыкнул Золотарёв, зачерпнул пальцами ещё крема и отправил в рот.

– Я совсем не то хотела сказать! Я, на самом деле, пришла поговорить... и, наверное, извиниться. Мы оба вели себя неправильно.

– Ну не знаю, – он засопел недовольно. – Вы за себя говорите.

– Да, действительно. – Лара поставила блюдо на колени, не зная, как попробовать торт хотя бы из вежливости. Ложку Золотарёв не предложил. – И всё же, Глеб, где ваши родители?

– Дались они вам! – Он отхлебнул пива из банки, опять взял геймпад и запустил игру. – В Москве они. Отец там живёт постоянно, мать наездами. У них там бизнес, а здесь у них только я.

– Почему же вы не с ними?

– Ну, наверное, им так проще. – Золотарёв с силой долбил по кнопкам геймпада и крутил им, отстреливаясь от виртуальных врагов. – Им кажется, что чем меньше я маячу у всех перед глазами, тем лучше. Типа заботятся о моей личной жизни, индивидуальном пространстве. Да хрен бы их знал!

– Послушайте, – Лара тяжело выдохнула и опустила взгляд на блюдо с тортом на коленях, – наше противостояние просто нелепо. Я не должна была тогда срыватьсь. Я бы очень хотела, чтобы всё это закончилось. – Она умоляюще посмотрела на Золотарёва, всем сердцем желая достучаться до него. И у неё получилось. Золотарёв отключил игру и, казалось, прислушался. Почувствовав прилив энтузиазма, Лара с жаром продолжала:

– Вы умный, способный парень. Даже талантливый! У меня очень непростая ситуация дома, и я не всегда адекватно... Хм... – Забыв про торт на коленях, Лара махнула рукой и угодила в крем, запачкав рукав блузки у запястья. Она

застыла в нерешительности, потеряв мысль. Не найдя чем вытереться, Лара машинально поднесла запястье к губам и слизнула крем.

Золотарев сидел рядом на диване, широко расставив колени с геймпадом в руках. Рот его приоткрылся, в мутном тяжёлом взгляде было что-то бычье.

– Вкусно, – настороженно пролепетала Лара, поднимая тарелку с тортом, чтобы убрать подальше.

Золотарёв отбросил геймпад и резко подался вперёд к Ларе, подминая её под себя. Он неуклюже обхватил её за бёдра и ткнулся лицом в грудь.

– Ты очумел, что ли?! – воскликнула Лара, ударяя Золотарёва тарелкой по уху.

Торт с чавкающим звуком разлетелся, забрызгивая кремом волосы, лицо и шею Золотарёва. Он повалился набок и замычал, потом откинулся на спину, по-кошачьи облизал верхнюю губу, испачканную кремом, и грубо расхохотался.

Лара вскочила и в следующую секунду уже была в проёме двери. Она оглянулась, ей вдруг показалось, что Золотарёв попытается остановить её. Но нет, тот и не думал. Он приподнялся и потянулся за банкой с пивом. Это пренебрежение показалось Ларе настолько оскорбительным, что в груди стало тесно, а в ушах загудело. Она сдёрнула с вешалки пуховик и, едва обувшись, схватилась за ручку входной двери. К счастью, та оказалась незапертой, и Лара выскользнула в коридор. Там она несколько секунд стояла, прижавшись к

стене и пытаюсь отдышаться.

Она корила себя за то, что пришла, за унижительный разговор и этот ещё более унижительный побег. Как смел этот мальчишка посягнуть на неё? Лара закрыла лицо руками: щёки пылали, будто её прилюдно выпороли. Как ей теперь показаться в гимназии? Ведь он всем расскажет. Вдруг из квартиры Золотарёвых послышался шум. Лара вздрогнула и кинулась вниз по лестнице. По пути чуть не сбила кого-то с ног, услышав вслед: «Эй, поосторожнее! Какого хрена вы тут забыли?!»

Она бежала домой. Ей хотелось немедленно всё рассказать Стасу, он должен что-то сделать. Потом она чуть успокоилась, бег привёл её в чувства, мысли потекли ровнее.

«Ничего ужасного не случилось, – сказала себе Лара, сама теперь удивляясь, почему так остро отреагировала на попытку ученика поцеловать себя. – Пьяный мажор, скорее всего, даже не вспомнит о случившемся. А если вспомнит и расскажет кому-нибудь, что с того? Кто поверит в подобные байки?» Она, конечно, не должна была разговаривать с ним без родителей. Нужно было сразу уйти. Но что-то заставило её остаться. Лара вспомнила грустный, замутнённый взгляд Золотарёва и нелепый пластырь с Микки-Маусами на переносице. Возможно, эта неловкая попытка поцеловать её была жестом отчаяния. Праздновать день рождения в одиночестве – то ещё удовольствие. А Лара повела себя как обиженная девчонка. Так, должно быть, отреагировала бы его ровесни-

ца. Ларина неправильная реакция – вот самое обидное, что произошло. И опять она не справилась. Ничего у неё не ладится – ни дома, ни на работе.

Домой Лара вернулась поникшая и разочарованная в себе. Муж сидел в кресле с откинутой головой. Опять уснул. Лара позвала его, но он не откликнулся.

В последнюю пару дней Стас выглядел вялым и жаловался на тошноту, но идти к врачу категорически отказывался. Лара упрекнула себя, что не отвела Настюшу в садик, оставила с больным папой дома, но утром он выглядел бодрым. Ничего страшного не случилось, дочка привыкла играть самостоятельно и теперь строила замок из Лего, тихо бормоча себе под нос. Лара присела с ней рядом на корточки, поцеловала. Потом подхватила с дивана плед и накрыла Стасу ноги. Он дёрнулся, наклонил вперёд голову и сказал что-то невнятное.

Все краски схлынули с лица Лары. Она медленно протянула руки и повернула лицо мужа к свету люстры. Он чуть приоткрыл веки, опять пробурчал что-то.

– Стас, ты под кайфом? – спросила Лара дрожащим голосом.

Губы Стаса дёрнулись и расплылись в омерзительную улыбку. Лара отвела руки, и Стас уронил голову на грудь. Лара схватила его за плечи и принялась трясти, истерично выкрикивая:

– Чем ты накачался?! Где взял деньги?! Отвечай! Отве-

чай, сволоочь, где ты взял деньги на наркоту?!

Стас уже не реагировал.

– Это что-то другое, что-то другое... – повторяла она, лихорадочно соображая. – Таблетки, снотворное?

Если бы Стас принял кокаин, Лара поняла бы сразу. «Снежок» делал его энергичным и неуправляемым, в последнее время даже параноидально-агрессивным. Но никогда Стас не выглядел настолько вялым и беспомощным. Кокаин – наркотик дорогой, его так просто не достанешь, нужно знать, к кому обратиться. Стас наверняка употребил что-то доступное, а главное – дешёвое.

Всё-таки умудрился занять у кого-то денег! Лара подскочила к мужу, осмотрела его руки, но не обнаружила следов укола. Да и шприцев она не нашла.

– Что же ты принял?!

Ей вдруг представилась картинка, как Стас делает инъекцию прямо на глазах у дочки. Ведь Настюша уже не младенец, она всё понимает. Лара посмотрела на дочь, слишком занятую своим масштабным легостроительством и не замечающую истерики матери и странного поведения отца. Она подхватила Настюшу на руки и унесла в коридор, принялась натягивать ей на ноги валеночки. Хотелось убежать куда-нибудь, как она делала в Питере. В большом городе всегда было куда податься: если не к друзьям, то в музей, или, на худой конец, пошататься несколько часов по супермаркету. Но здесь куда идти? На улице минус пятнадцать – долго не по-

гуляешь, супермаркет можно обойти за десять минут, ближайший музей километрах в ста, друзей нет, есть только родители, к которым Лара не подойдёт и на пушечный выстрел. Она раздела дочь, отнесла её в комнату и заперлась изнутри.

«Это мой дом, и я никуда не пойду. Уйти должен он! Навсегда!»

Лара не знала, сколько придётся ждать, но как только муж придёт в себя, она заставит его съехать.

Когда утром Лара отперла двери своей спальни, Стаса в квартире уже не было. Лара не удивилась. Ночью она слышала журчание воды в ванной и звон посуды на кухне, но решила не вставать. Каждый звук, каждый шорох поднимал волну злости и раздражения. В таком настроении только поубивать друг друга. А разговор с мужем предстоял серьёзный, не минутный. К тому же ей просто необходимо выспаться. Портишь себе настроение перед занятиями, когда и так висишь на волоске – непозволительно. Пусть семья рушится, Лара должна быть в форме. Лишь работа позволит ей удержаться на плаву, и она больше не попадёт в зависимое положение, когда нет выбора – уйти или остаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.